Мертвый лес

Автор:
Дмитрий Колодан

Мертвый лес

Дмитрий Геннадьевич Колодан

Сломанный миф. Изнанка

Граница, разделившая мир чудес и обыденность, слишком тонкая и зыбкая. Слишком легко ее не заметить, слишком легко оказаться на другой стороне… И вот уже на краю волшебного леса растет уродливая мусорная свалка ? место, откуда приходят совсем иные чудовища, порожденные человеческой жадностью, жестокостью и страхом. Иве, дочери Матушки Ночи, и ее подруге Кати Макабреску предстоит столкнуться с врагами, которых они не могли даже представить, а за спиной уже сгущаются тени из прошлого, полного смертей и боли. Чтобы победить, им придется пройти через Мертвый Лес.

Продолжение потрясающего романа-сказки Дмитрия Колодана «Дом ночи».

Автор создает удивительную историю, где магические существа не просто взаимодействуют с людьми, но сталкиваются с последствиями их существования, где человеческий мир проникает в мир волшебный.

Загляните за границу Большого Леса и узнайте, какие раны наносят ему люди. Пугающие и одновременно манящие персонажи, словно вышедшие из детских страшилок, заставляют листать страницы этой эко-сказки, ведь их действия непредсказуемы и жестоки. У каждого здесь в прошлом есть тайны, и автор показывает, как тяжело порой их принять и как важны воспоминания.

Многослойная и по-хорошему сложная история, наполненная важными вопросами, непростыми ответами, сплетающая современный человеческий мир с миром волшебным в тугой клубок захватывающей истории.

Дмитрий Колодан

Мертвый лес

Разработка серии и иллюстрация на переплете – К. А. Терина

© Дмитрий Колодан, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

Доктор Салазар едет в лес

– Держитесь крепче, господин доктор, будет трясти.

Не сбавляя скорости, внедорожник свернул с шоссе на узкую грунтовку, уводящую в лес. Сам доктор Салазар нипочем бы не заметил эту дорогу, так хорошо она спряталась среди высокой травы вдоль обочины. Никаких дорожных указателей, стрелочек или иных знаков. И уж точно он бы не стал заезжать на

нее на скорости, уместной на экстремальных автогонках.

Однако водитель, молодой егерь в бледно-зеленой форме Управления Лесного Хозяйства, вел внедорожник так, будто за ними гнались все черти из преисподней. Изо всех сил он цеплялся за рулевое колесо – еще немного, и вырвет его из панели. Гладко выбритое лицо раскраснелось, волосы стояли дыбом… От усердия он даже высунул кончик языка. Этому парню не помешало бы сдать анализы на токсоплазмоз, а иначе откуда столь дикое желание отправить их на тот свет? Доктор Хайме Салазар считал себя человеком рациональным, в высшие силы не верил, но тут он вспомнил все молитвы и гимны, которые учил в воскресной школе, и теперь беззвучно повторял их, вцепившись в ручку двери так, что даже мышцы свело.

– Потерпите немного! – проорал егерь. – Скоро будем на месте!

Загрохотали железные кости, задребезжали таинственные детали, и машина понеслась по разбитой дороге, подскакивая на каждом ухабе, не пропуская ни единой ямы и выбоины. Доктор Салазар решил, что к концу поездки он или лишится половины зубов, или же откусит себе половину языка. Наконец-то он понял, что означает избитое выражение «мешок с костями» – именно таким мешком он себя и ощущал. Он десять раз пожалел о том, что с утра плотно позавтракал, и теперь думал о том, как бы уговорить яичницу, сосиски и тосты остаться в желудке хотя бы до конца сумасшедшей поездки.

– Я вообще в жизни такого не видел, – громко сказал егерь, но за ревом мотора голос был едва различим. – Думал, такое только в сказках бывает, ну или в книжках приключенческих.

– Да? – простонал Салазар.

Он едва понимал, о чем вообще говорит этот парень. Можно было хотя бы попытаться сосредоточиться на его словах, но сил на это не осталось. Мозг превратился во взбитое желе; все извилины и желудочки окончательно перепутались, и никакая мысль не задерживалась в голове. Всякий раз, когда Салазар начинал думать о чем-либо, кроме своего физического состояния, внедорожник тут же подскакивал, или проваливался, или его мотало в сторону.

– Ну да! – крикнул егерь. – Была такая книжка, про мальчишку, который потерялся в лесу и совсем одичал. Вроде как его воспитали волки… Ну а у нас девчонка. Когда мы ее нашли…

Мотор взвыл, как пожарная сирена, заглушив слова егеря. Парень в ярости заколотил кулаком по приборной доске, не переставая при этом болтать. Салазар даже не старался прислушиваться, все его мысли были лишь о том, что будет, если двигатель заглохнет. Доктор никогда не был любителем лесных прогулок и становиться им не собирался. Удивительно, как он вообще оказался в этой машине и едет не пойми куда и не пойми зачем, вместо того чтобы в тишине и спокойствии перебирать бумажки у себя в кабинете.

Несмотря на завывания мотора, егерь и не подумал сбросить скорость. Своего железного коня он не щадил, и в конце концов это возымело эффект: вой и визг уступили место басовитому рычанию. Егерь откинулся на сиденье с видом циркового укротителя, усмирившего разъяренного льва. И при этом продолжал говорить:

– …пришлось накладывать швы, представляете?

– Что?

– Вот! А по виду и не скажешь! Соплячка совсем, кожа да кости, а иди ж ты!

Салазар покачал головой. Потом, все потом, когда они приедут на место и когда он выпьет литр крепкого кофе. А без этого мозги отказывались работать. Все, о чем трепался егерь, казалось бессмысленным набором слов. Какая еще девчонка? При чем здесь волки и швы? И какого черта им в такой глуши потребовался психиатр?

Машина углублялась в лес, петляя по узкой дорожке. Деревья становились выше и толще, густой подлесок уступил место соснам в три обхвата и высоким, как пятиэтажный дом. Но доктор знал, что это далеко не предел. Он читал, что в лесной чаще встречаются великаны и за сотню метров, старые, как само время. Спил с одного из таких деревьев Салазар видел в музее – кусок дерева в три человеческих роста высотой и с таким количеством годовых колец, что за сто лет не пересчитать. Он в жизни не видел ничего столь же огромного и при этом созданного не руками человека, а явившегося в мир по велению куда более

могущественных сил.

Тогда доктору это показалось неправильным, даже нечестным. Теперь же его занесло в края, где подобное было в порядке вещей. Он ощущал себя чужаком в чужой стране, и чем дальше внедорожник углублялся в лес, тем сильнее разгоралось это чувство – необъяснимая тоска и томление, смешанные с благоговением и страхом. Чувство, для которого у доктора не нашлось названия. Как если бы огромный зверь поймал его и прижал к земле сильной мягкой лапой. Дорога становилась у?же. Ветви деревьев скребли и стучали по металлической крыше.

– Долго еще? – прокричал Салазар.

Егерь ответил белозубой улыбкой.

– Почти на месте. Потерпите немного, скоро сами все увидите.

Однако прошло не меньше получаса, прежде чем внедорожник вырвался из сжимающихся тисков лесной дороги и они оказались на круглой поляне, где располагалось лесничество – один из форпостов Управления Лесного Хозяйства в этих диких краях. Диких? Салазар усмехнулся. Отсюда до города всего несколько часов на машине. Не тропические джунгли, не бескрайние просторы тайги, а все равно он как будто оказался на другой планете.

Сама лесная станция, мягко говоря, не впечатляла. Сразу видно, что строили ее наспех, не заботясь ни об удобстве, ни о красоте, ни о надежности, с одной целью – хоть как-то закрепиться на этом участке земли. Лес окружил поляну густым и плотным кольцом, в любой момент готовый ринуться в атаку: первой пойдет ольха, за нею – рябина и ива. А что ему смогли противопоставить люди? Только хлипкий забор из колючей проволоки, державшийся на честном слове.

За забором жались друг к другу с полдюжины щитовых домиков, а за ними выстроились в ряд несколько грузовых контейнеров, выкрашенных в кирпично-красный цвет. С краю поблескивал застоялой водой пожарный водоем, над которым нависала наблюдательная вышка – шаткая конструкция из неотесанных бревен. Ни за какие деньги Салазар не согласился бы на нее подняться, однако нашлись смельчаки – на верхней площадке доктор разглядел одинокую фигуру в широкополой шляпе. И что же они тут высматривают? Лесные пожары,

наверное, или, что куда вероятнее, нелегальные винокурни самогонщиков. Салазар читал о таком в газете.

Егерь сбросил скорость, и внедорожник застонал от облегчения. Под сиденьем что-то громко заскрипело, словно кто-то согнул пополам ржавую трубу. Автомобиль ощутимо просел на колесах. Был бы он живым существом, его бы, наверное, пришлось пристрелить, как загнанную лошадь. Очень медленно внедорожник двинулся к воротам, сколоченным из серых растрескавшихся досок.

– Ну, вот и приехали. Добро пожаловать на лесную станцию номер тринадцать, – с гордостью сказал егерь. – Или как мы ее зовем – Же-Эл.

– Же-Эл? – не понял доктор.

– Ну да. Жопа Леса, вроде того.

Дитя из леса

Их уже ждали. У ворот топтался седой коренастый мужчина с пышными усами и курил сигарету так, что дым не успевал развеяться от лица. На форменной зеленой рубашке блестела медная пятиконечная звезда – знак Управления.

– Ну а вот и наш капитан, – сказал егерь. – Он тут самый главный.

Внедорожник остановился, и доктор вышел, точнее – вывалился наружу, жадно глотая свежий лесной воздух. После пропахшего бензином салона это должно было привести его в чувство, однако тошнота и не собиралась отступать. Ноги подкашивались, руки тряслись, пришлось опереться о капот, чтобы не упасть. Салазар глянул на себя в боковое зеркало и ужаснулся: лицо бледное, мешки под глазами, лоб блестит от испарины, в общем – краше в гроб кладут. Но все же он пригладил пятерней растрепавшиеся волосы и поправил узел галстука, хотя смысла в этом не было никакого. В лесу громко закричала незнакомая птица: у-ит, уу-ит?

Усатый капитан затушил окурок о створку ворот, бросил его в карман и, чеканя шаг, направился к машине. Бывший военный, решил Салазар, и невольно напрягся. Не то чтобы он не любил военных, но знал, как порой тяжело с ними в общении.

– Доктор Салазар, я полагаю? – спросил мужчина, протягивая руку, и сам же усмехнулся древней шутке. – Мы вас уже заждались. Моя фамилия Григер.

Голос у него оказался скрипучим, как ржавые дверные петли. Неприятный голос, Салазар едва сдержался, чтобы не поморщиться.

– Приятно познакомиться, господин Григер, – сказал он, отвечая на рукопожатие. Крепкое, мужское, из тех, чей смысл показать, кто здесь главный, а вовсе не поприветствовать. Салазар смутился, когда сообразил, что у него сильно вспотели ладони, однако Григер и вида не подал, будто что-то не так.

– Ласло уже ввел вас в курс дела?

Он указал на улыбчивого егеря, оставшегося у машины.

– Кхм… В общих чертах, но, боюсь, я не до конца понял.

– Ну да, ну да, – вздохнул Григер. – Понимаю. Мне бы кто рассказал – в жизни бы не поверил. Но в этом лесу и не такое случается.

Он обернулся и некоторое время смотрел на темную стену деревьев. Салазар обратил внимание на то, как заиграли желваки у него на скулах. Странное дело – этот человек был егерем, лесничим, в общем, защитником леса. Однако он глядел на чащу так, будто ждал оттуда беды.

– В самом деле? – спросил Салазар. – И что же здесь случается?

– Разное, – ответил Григер тоном, который означал «лучше вам об этом не знать». – Чего-нибудь хотите с дороги? Чай, кофе? Или чего покрепче?

– Благодарю. – Доктор покачал головой. – От кофе бы я не отказался. Так что тут у вас произошло? Я так понял, вы нашли в лесу потерявшегося ребенка?

Он решил, что нет смысла тянуть волынку. Григер очень медленно кивнул. Усы всколыхнулись, когда он шумно выдохнул через нос.

– Можно сказать и так. Хотя не думаю, что здесь уместно слово «нашли»… Скорее это она нас нашла.

– Вы уже обратились в полицию? Вызвали социальную службу? Насколько мне известно, это первое, что нужно делать в подобных случаях.

Григер посмотрел на Салазара с наивным изумлением, будто впервые об этом слышал.

– В самом деле? Разумеется, я знаю протокол, доктор. Поиск потеряшек входит в обязанности Управления. Но, боюсь, на этот раз у нас… особый случай. Пойдемте, я расскажу по дороге.

Он махнул рукой и, не оборачиваясь, зашагал в сторону корпусов станции. Салазар поспешил следом.

– Что значит «особый случай»? – проговорил он, стараясь не отставать от Григера. – Ваш человек, Ласло, он что-то говорил про волков, но так путано…

– Про волков не в курсе, – отрезал Григер. – Расскажу, что знаю. Мои ребята прочесывали лес к северу, искали незаконные посадки конопли и забрались дальше обычного. Пришлось остановиться на ночь. Это нормальная практика, на самом деле: связались по рации, поставили в известность и встали лагерем. У Управления есть пара «вертушек», но толку от них мало, приходится работать ближе к земле…

Он потянул себя за ус. Именно тогда Салазар и заметил след у него на запястье – четкий отпечаток укуса, такой ни с чем не спутаешь. В своей практике доктор с подобным уже сталкивался: два темных полумесяца засохшей крови, воспалившаяся кожа по краю… Стоило бы обработать антисептиком, однако Григер не удосужился ни перевязать укус, ни заклеить пластырем, видимо, посчитал рану несерьезной. Проклятье! А ведь прокусить кожу взрослого мужчины не так просто, и дело тут не в силе челюстей. Григер перехватил взгляд Салазара и одернул рукав.

– В общем, – продолжил он как ни в чем не бывало, – парни встали лагерем: костер, походный ужин, все как полагается. И ночью одному из ребят понадобилось отлить, извиняюсь за такие подробности. Но не успел он штаны расстегнуть, как кто-то прыгнул на него с дерева. Парень с перепугу решил, что это рысь, в темноте-то не разберешь… На самом деле ему повезло. Если бы он случайно не повернулся, она бы сломала ему шею, он бы и пикнуть не успел. А так смог ее перехватить и удержать, а заодно и позвать на помощь. Но даже втроем они насилу ее скрутили, а к утру доставили на станцию.

– Она… – повторил за Григером Салазар. – Девочка? Ваш человек сказал, что это был ребенок.

– Выглядит она как ребенок, – согласился начальник станции. – Я бы предложил лет двенадцать-тринадцать, но могу ошибаться.

На долю секунды он замялся.

– Мы заперли ее в одном из сараев. К сожалению, более надежного места не нашлось.

Салазар во все глаза вытаращился на начальника станции. Такого он не ожидал.

– Да вы в своем уме?! То есть вы нашли в лесу потерявшегося ребенка – голодного, замерзшего, напуганного, но вместо того чтобы ему помочь, вы его связали и заперли в сарае?!

– В своем ли я уме? – переспросил Григер. – Конечно, вам виднее, вы же специалист. Но, поверьте, у нас были все основания так поступить.

– Какие еще основания? – Салазар громко фыркнул. – То, что ребенок вас укусил, – это никаким образом не основание сажать его под замок.

– А! Вы об этом? – Григер дотронулся до запястья. – Это ерунда, царапина. А вот Тулле серьезно досталось: она вырвала у него из руки кусок мяса размером с кулак.

И на тот случай если Салазар не понял, он показал ему, какого размера бывают кулаки.

– Но это же была самооборона? – не сдавался Салазар. – Взрослые мужики набросились на нее, и что ей еще оставалось? И не говорите мне, что у вас не было иного выбора. Я понимаю: стрессовая ситуация, да и случай, мягко говоря, неординарный, но все же – есть и другие методы!

Григер и бровью не повел.

– Вы уж простите, господин доктор, – сказал он. – Но у нас действительно не было иного выбора. Это… существо представляет опасность для окружающих.

– Существо? Это не существо. Это ребенок, попавший в беду, и ваша прямая обязанность…

Григер поднял руку, и Салазар замолчал, как если бы его каким-то колдовством лишили дара речи. Он никогда не служил в армии и тем не менее поймал себя на том, что того и гляди вытянется по стойке смирно.

– Я еще не все рассказал, – проговорил Григер. – Мы не только поймали ее и доставили на станцию. Парни прочесали лес рядом с тем местом и нашли ее логово – что-то вроде норы под поваленным деревом.

– И что? Если эта девочка потерялась в лесу, она должна была где-то укрываться от дождя и…

Под немигающим взглядом Григера Салазар снова замолчал. Но начальник станции продолжал и продолжал смотреть на него, пока доктору не сделалось дурно. Куда сильнее, чем когда его укачало во внедорожнике.

– Мы нашли кости в том логове, – наконец сказал Григер. – Человеческие кости, принадлежавшие по меньшей мере трем разным людям. Все обглоданные дочиста и со следами зубов.

– Но… – Доктор замотал головой. – Погодите… То есть…

Он не нашелся что сказать, но Григер кивнул самым страшным его мыслям.

– Теперь вы понимаете, почему мы не вызвали полицию и соцслужбу? Шила в мешке не утаишь. Едва мы обратимся в полицию, о случившемся тут же пронюхают журналисты. И я боюсь даже представить, чем все это может обернуться. Потому мы обратились к вам напрямую. Прежде чем это дерьмо всплывет и начнет вонять, я хочу знать, что это за дерьмо.

– Да, да, понимаю… – пробормотал доктор, хотя ничего на самом деле не понимал.

Они остановились напротив невысокого щитового сарая с плоской крышей из рифленого железа. Окон там не было, а на дверях висел амбарный замок.

– Она здесь?

Григер молча вытащил из кармана ключ, однако открывать дверь не спешил. Так и застыл, прикусив нижнюю губу. Из-за двери доносился тихий вой: не крики, не стоны и не плач, а мерное гудение, звучавшее то выше, то ниже. Словно там притаился огромный осиный рой или же работал электродвигатель. Странный звук, вроде и не громкий, но неприятно давящий на уши.

– Это она?

– С того самого момента, как мы ее сюда привезли, – кивнул Григер. – Не прекращая ни на секунду.

– А… Что она там делает? – спросил Салазар, неожиданно шепотом. Как будто испугался того, что загадочная девочка за дверью может его услышать.

– Я не уверен, – пожал плечами Григер. – Это вы специалист. Но, по-моему, она поет.

Урдак слышит зов

Повиснув на одной руке, Урдак раскачивался на ветке своего дерева, да так, что фалды драного сюртука развевались за спиной, будто крылья.

– Смотрите, мистер Гош, смотрите, как я умею!

Вперед, назад, вперед, назад… Старое дерево скрипело и трещало, ветка сильно выгнулась, того и гляди сломается, но Урдак не прекращал своих упражнений: вперед, назад, разжать пальцы и в тот же миг – перехватить ветку другой рукой. Он был ловок, и быстр, и силен и наслаждался этим. Наслаждался настолько, насколько позволяла неутихающая резь в животе.

Часа не прошло, как Урдак изловил в кустах ласку. Вертлявая чертовка успела укусить его за палец, прежде чем он проглотил ее целиком, не удосужившись свернуть зверьку шею. Но разве могла такая мелочь утолить его голод?

– Хэй, мистер Гош! А так вы умеете?

И сделав сальто, Урдак вдруг оказался наверху ветки, устроившись на ней на корточках. Мятый цилиндр сполз на лоб, но не упал – в самый последний момент Урдак успел удержать его. Нельзя терять шляпу, настоящий джентльмен никогда не теряет шляпы.

– Ну, что скажете?

Плюшевый медведь, втиснутый в развилку двух ветвей, в восхищении уронил голову набок. Кончиком языка Урдак облизал потрескавшиеся губы и отвесил игрушке легкий полупоклон.

– Благодарю, дорогой друг. Ваше мнение для меня много значит. Когда-нибудь…

Он вдруг замер, всего на пару секунд, а затем костлявое лицо задвигалось, кончик носа задрожал. Несколько раз подряд Урдак с силой втянул воздух и тут же зажал пальцами ноздри, дабы не упустить запах, который принес ему ветер. Странный запах, знакомый, но Урдак долго не мог вспомнить, где он мог его слышать, а когда вспомнил…

Ну, надо же! Да это же его запах! Именно так пахла изнанка его сюртука, так пах внутри его цилиндр, так пахли его башмаки… Но в то же время запах был немножко другой, с резкими чужими нотками. Все это крайне озадачивало и, возможно, даже заслуживало его внимания.

Урдак склонил голову в одну, затем в другую сторону, разминая мышцы и слушая, как хрустят позвонки. Ветер сменил направление, унося с собой странный запах, но Урдак уже взял след. Он знал, что не заблудится.

– Что скажете, мистер Гош? Как вам…

И опять он не договорил, но на сей раз вмешался не запах, а звук. Сперва Урдак принял его за комариный писк, тонкий и тихий, и только потом сообразил, что звук – стон или вой, то выше, то ниже – доносится из леса. Из такого далека, откуда никакой звук не мог долететь до его холма и до его дерева. Услышать его – все равно что услышать стрекот сверчка в глубокой пещере, стоя при этом на вершине горы. Но Урдак услышал. Услышал и вспомнил, и это воспоминание обожгло его сильнее, чем если бы он проглотил горящий уголек.

Это была песня, и Урдак знал ее. Давным-давно, в те времена, о которых никто и не помнит, эту песню пела женщина с костлявым лицом, склонившись над деревянной колыбелью. Женщина, которая зачем-то привела его в этот мир, а потом бросила одного. Он давно забыл ее имя, забыл цвет ее глаз и забыл, как звучал ее голос, но эта мелодия осталась с ним. Она была записана на его костях, она пряталась в его крови. И вот она зазвучала снова, стоило ему услышать всего пару тягучих нот.

– Мистер Гош? – Урдак ткнул медведя пальцем. – Вы слышите это?

Добрый друг промолчал, но по тому, как мотнулась его голова, Урдак понял, что мистер Гош тоже услышал зов.

– Друг мой, как насчет того, чтобы немного прогуляться?

Не дожидаясь ответа, он схватил игрушку, затолкал ее в карман и спрыгнул с дерева. Под ногами захрустели сухие кости. Вытянув тощую шею, Урдак снова принюхался, определяя направление и расстояние. Путь предстоял долгий и трудный, но когда его это останавливало? Урдак оскалился, поправил сползший

на затылок цилиндр и, подпевая едва слышной песне, стал спускаться с холма.

Впрочем, не сделав и десяти шагов, он замер. В животе громко урчало, желудок не переставал напоминать о себе. Песня песней, но перед долгой дорогой не помешает и подкрепиться. Урдак давно приметил в лесу одно местечко, где рыжая сойка свила гнездо. Как раз сейчас птенцы-слетки готовились впервые покинуть родительский дом. Так почему бы их не проведать?

Разговор по душам

– Оставьте нас, – сказал Салазар. – Я хочу поговорить с ней наедине.

Григер смерил его взглядом.

– Вы уверены, господин доктор?

– Да, – ответил Салазар, хотя, сказать по правде, он был совсем не уверен. – Она вас боится. Не думаю, что она пойдет на контакт в вашем присутствии. Не беспокойтесь. Она ничего мне не сделает. Об этом вы уже позаботились.

Может быть, в его словах и скрывался сарказм, но прозвучали они скорее как благодарность. Как ни стыдно себе в этом признаваться.

Григер тяжело выдохнул в усы.

– Между нами, не думаю, что она вообще умеет разговаривать.

Начальник станции поморщился и, сам того не замечая, прижал ладонь к запястью.

– А вы пытались? – парировал доктор, но этот вопрос Григер оставил без ответа.

– Если что, я буду за дверью. Я не собираюсь подслушивать, но… В общем, если что – сразу зовите.

Он не сказал «на помощь», но это подразумевалось.

– Хорошо, – вздохнул Салазар. – Буду иметь в виду.

Григер хотел еще что-то сказать, может быть, пожелать доктору удачи, но в итоге ограничился кивком и, чеканя шаг, вышел из сарая. Доктор повернулся к девочке из леса. За то время, что Салазар беседовал с Григером, она так и не подняла головы. Сидела, скрючившись, у стены и тихонько пела свою странную песню. И это было ужасно.

Пока рядом стоял начальник станции, доктор избегал смотреть на пленницу. Он отводил взгляд, даже замечая ее краем глаза, и лишь сейчас позволил себе взглянуть на нее по-настоящему.

В сарае было темно: под потолком висела голая лампочка на шнуре, но светила она так тускло, что Салазару приходилось щуриться, чтобы разглядеть, что находится у дальней стены. Ящики, накрытые линялым брезентом, лопаты и прочий инструмент – сарай явно не предназначался для того, чтобы держать здесь кого-то взаперти. Кроме того, тут оказалось холодно и сыро.

Доктор медленно опустился на земляной пол напротив девочки. Сел так же, как сидела она, – на корточки, но его руки и ноги не стягивали брезентовые ремни. Проклятье! Это, должно быть, чертовски больно. Неужели не нашлось какого-то другого способа ее удержать? Но пленница будто и не замечала этих пут. Она механически раскачивалась вперед и назад и подвывала, словно ничто иное в мире не имело значения. Выглядела она маленькой и хрупкой, в первую очередь из-за своей жуткой худобы. Казалось, стоит ей неудачно повернуться – и торчащие позвонки или ребра порвут кожу. Неужели потребовалась сила нескольких взрослых мужчин, чтобы справиться с этим истощенным ребенком?

Но в этот момент девочка взглянула на Салазара – на один краткий миг, – и этого оказалось достаточно, чтобы у доктора волосы зашевелились на загривке. В ее глазах он не увидел ни капли страха, а только злость и ярость, обжигающие, будто адское пламя.

Девочка устроилась прямо границе света и тени. Из-за этого ее глаза казались неестественно большими и такими черными, что не разглядеть белков. Черными

были и ее спутанные сальные волосы, настолько длинные, что, когда она сидела, они доставали до земли. Доктор дернулся, заметив, как из-под колтуна выполз жирный клещ и тут же закопался обратно.

На контрасте с чернотой волос и глаз ее кожа выглядела очень бледной, как будто девочка никогда не бывала на солнце, и влажно блестела, точно рыбье брюхо. Одежды на ней не было совсем, однако пленница не дрожала от холода, никакой гусиной кожи. Неподалеку лежало шерстяное одеяло, видимо, кто-то из егерей позаботился, но она попросту отбросила его в сторону.

Салазар несколько раз прочистил горло, чтобы привлечь внимание, но девочка снова опустила голову, уставившись на свои руки с длинными грязными ногтями.

– Привет. Здравствуй…

Девочка продолжала петь.

– Меня зовут Хайме. Я доктор. Ты знаешь, кто такой доктор? Я здесь, чтобы тебе помочь. Не бойся, я тебя не обижу.

В подтверждение своих слов Салазар поднял руки, показав ей раскрытые ладони. Девочка никак не отреагировала.

– Я хочу узнать, кто ты? – мягко спросил доктор. – У тебя есть имя?

Он на секунду задумался, а затем трижды ударил себя по груди.

– Хайме, – он указал на девочку пальцем. – А ты?

Никакой реакции. Доктор глубоко вздохнул. Что ж, никто и не говорил, что будет легко. Он снова повторил этот трюк – хлопнул себя по груди, представился и указал пальцем. Она слегка приподняла голову. Третья попытка…

Его уберегло какое-то шестое чувство. В тот момент, когда он поднял руку, она вдруг извернулась и метнулась вперед, наплевав на то, что связана. Рванулась, как рванулся бы дикий зверь. Зубы клацнули в сантиметре от пальца доктора – он едва успел отскочить назад. Девочка же упала лицом вниз да так и осталась

лежать. Она не пыталась ни встать, ни перевернуться, и только ребра медленно поднимались на каждый вдох.

Доктор замер у самой двери, не понимая, как здесь очутился. От девчонки его отделяло не меньше трех метров, и по всему выходило, что это расстояние он преодолел одним прыжком. Салазар и не подозревал, что на такое способен. Теперь же у него тряслись руки и колени, а сердце колотилось так, что впору глотать таблетки.

Но хуже было то, что доктор не понимал, что ему делать. Помочь девочке? Но она же пыталась… Пыталась что? Откусить ему палец или же рассчитывала дотянуться до горла?

Наконец пленница зашевелилась. Извиваясь, точно гусеница, она перевернулась на бок, а затем кое-как поднялась и снова села на корточки. Она смотрела на Салазара, но взгляд был пустой и невидящий, как если бы она пребывала под кайфом. Доктор проглотил вставший поперек горла комок и попытался взять себя в руки. Рано еще отступать и сдаваться.

– Ты хочешь есть? – спросил он. – Или, может, пить?

В ответ девочка зашипела как змея и оскалилась, демонстрируя мелкие и острые зубы. Ни одного гнилого. Салазар отпрянул, едва удержавшись от того, чтобы выскочить за дверь. И без толку убеждать себя, что это всего лишь попавший в беду ребенок.

– Я могу принести тебе еды, – сказал он дрожащим голосом. Салазар указал пальцем на рот. – Еда? Хочешь есть?

Девочка дернула головой, и упавшие волосы полностью скрыли ее лицо.

– Косточки… – проскулила она. – Мягкие косточки… Сла-адкие…

Доктора будто окатили ледяной водой. На несколько долгих секунд он застыл с открытым ртом.

– Погоди! Так ты умеешь разговаривать! Кто ты?

Но девочка не ответила. Не поднимая головы, она снова начала раскачиваться – вперед, назад, словно бы впала в транс. Еще минут десять Салазар пытался вытянуть из нее хоть что-то, обращался к ней словами и жестами, но ничего не добился. В итоге он сдался. Ему нужно время, чтобы обдумать случившееся и понять, что он должен и что он может сделать. А здесь, в темном сарае, рядом с этим созданием его голова отказывалась работать. Словно кто-то подменил мозги липкой сахарной ватой.

– Я еще вернусь, – сказал он. – Скоро.

Девочка даже не вздрогнула. Бросив на нее последний взгляд, Салазар торопливо вышел наружу и плотно прикрыл за собой дверь. И тут же, на пороге, его вырвало.

– Дышите глубже, господин доктор. Это поможет.

Григер, как и обещал, ждал его снаружи – курил шагах в десяти от двери. Доктор вытер губы тыльной стороной ладони, в горле остался привкус желчи.

– Сигарету? – участливо предложил Григер.

– Не курю, – сказал Салазар и чуть не добавил «к сожалению».

Начальник станции затушил окурок о стену сарая и убрал в карман. Салазар отрешенно посмотрел на черные следы на досках. Это сколько же сигарет выкурил Григер, пока его дожидался?

– Ну? – нетерпеливо спросил начальник станции. – Поговорили по душам? Что скажете?

Салазар выждал с ответом.

– Пожалуй, эта работа займет некоторое время.

Григер обреченно вздохнул, но, похоже, он и не ждал иного ответа.

– Ну… Вы здесь специалист, вам и карты в руки.

Доктор мог бы сказать, что в данном случае никакой он не специалист, что за годы практики он ни разу не сталкивался с чем-то подобным и не понимает, чем он может помочь, и что эта история, по его мнению, кончится плохо… Но вместо этого он спросил:

– У вас есть где остановиться? Меня устроит простая койка, но потребуется стол для работы…

– Разумеется, доктор. Подберем вам лучшие апартаменты. – Григер фыркнул. – Надеюсь, вас не пугают комары.

– И вот еще. Простите… – Салазар замялся. – У вас, случаем, не найдется чего-нибудь выпить? Желательно покрепче.

Григер криво усмехнулся:

– Предлагаю пройти ко мне в кабинет. У меня там припрятана канистра конфискованного самогона, и поверьте, лучше выпивки в этих краях вы не найдете.

За закрытой дверью сарая странная и страшная девочка снова начала петь.

Кухонные разговоры

На цыпочках Ива прокралась на Кухню и остановилась, скрестив руки на груди, с таким видом, будто торчит здесь уже битый час. Доброзлая Повариха стояла к ней спиной – мыла посуду в старой жестяной ванне, гремела кастрюлями и сковородками, ложками и поварешками, да так, что звон стоял на весь дом. Духи и тени от ужаса попрятались под кроватями и в пыльных шкафах; Некто Тощий сбежал на крышу, но и это не помогло – пришлось затыкать уши пальцами. В таком шуме и грохоте Повариха никак не могла расслышать беззвучных шагов Ивы, ее легкого дыхания, и все же…

– Явилась наконец, чертовка, – пророкотала Роза, поднимая над головой громадную черную сковороду в хлопьях мыльной пены. На такой сковороде Ива могла бы уместиться целиком. – Ты где пропадала? Я уже два дня тебя не видела.

Ива глянула на нее, склонив голову. Главное – внимательно следить за мочками ушей, именно они начинали меняться первыми. Но пока что отвислые уши Розы были обычного цвета, без тени зловещей белизны, а значит, Повариха сердится не по-настоящему. Пока, во всяком случае.

– То тут, то там. Гуляла по лесу, – сказала Ива. – Посмотри, что я тебе принесла.

Через плечо у нее висела расшитая бисером холщовая сумка, из которой Ива достала за шеи двух упитанных селезней – она подстрелила их на рассвете на берегу реки. Повариха отложила сковородку и старательно вытерла руки о передник, прежде чем, со всем почтением, принять подношение.

– Хорошая добыча. Ты же не забыла попросить у них прощения?

Ива фыркнула.

– Спрашиваешь! Сделала все как положено – и поблагодарила, и поделилась, и била с первой стрелы.

– Что ж, – сказала Повариха. – В таком случае сварим из них суп. А вот если бы ты еще принесла дикого чеснока…

Ухмыляясь от уха до уха, Ива достала из сумки объемистый пучок свежей зелени.

– Вот. И чеснок, и кислянка, и заячьи уши, и ведьмина трава. Хотела корневых яиц накопать, но рано еще, не поспели.

– Ох ты ж, умная девица! – всплеснула руками Повариха. – Про все подумала! И даже ведьминой травы принесла, а ее попробуй отыщи.

Ива вытянула шею и чуть не заурчала, как довольная кошка. Всегда же приятно, когда тебя хвалят, а не пытаются оторвать голову. Повариха разложила дары на разделочной доске, еще немного попричитала, но в итоге вернулась к посуде.

– Так, может, расскажешь, куда ты сегодня забралась? – спросила она, погружая руки в мыльную воду и выуживая из нее пузатую кастрюлю.

– Ходила на север, – пожала плечами Ива. – Ты знаешь, что если у реки встать против течения, закрыть глаза и идти прямо и прямо, то можно найти круглую башню из черных камней, в которой живут карлики в шапках из перьев?

Роза поджала губы.

– Я слышала про них. Злой народ, держись от них подальше.

– Да я уже поняла, – вздохнула Ива. – Они кидались в меня камнями, рыбьими костями и всякими отбросами. Но что поделаешь, если у подножия той башни растет самая сочная ведьмина трава во всем лесу?

– Само собой. Лучше всего ведьмина трава растет там, где пролилась невинная кровь. Как бы и на твоей кровушке не выросла пара свежих кустиков.

Ива звонко хлопнула себя ладонями по бедрам.

– Еще чего! С такими ногами этим коротышкам нипочем за мной не угнаться!

Повариха смерила ее взглядом и хмыкнула:

– И то верно. Уж ноги-то ты отрастила что надо. Мне бы такие ноги в твои годы, уж я бы… Ну, пара зим, и, глядишь, отрастишь и все остальное.

– Бе! – Ива показала ей язык. – А еще я видела место, где проползал Великий Червь Пожирающий Камни. Матушка мне про него когда-то рассказывала. Представляешь, земля там до сих пор как стекло, а сколько уже тысяч лет прошло!

– Как бы этот червяк вместе с камнями не пожрал еще и одну чересчур самоуверенную девчонку, – нахмурилась Роза. – И в кого ты уродилась такая непоседа?

Ива развела руками:

– А Матушка дома?

– Может быть. Я не видела, чтобы она выходила за ворота. Но Госпожа ходит своими тропами.

– Пойду ее проведаю, – сказала Ива. – И жду не дождусь утиного супа!

Она демонстративно облизала губы и со смехом выскочила из кухни. Доброзлая Повариха, улыбаясь, проводила ее взглядом. Однако не успели стихнуть шаги в коридоре, как улыбка Розы скисла, словно бы ей под нос сунули тухлое яйцо. Она поморщилась, не понимая, что не так. В мире будто что-то изменилось. В красивую мелодию откуда-то пробралась фальшивая нота.

Повариха отложила в сторону посуду и прошлась по кухне – прислушиваясь и принюхиваясь, пробуя на вкус воздух. Что-то сломалось, что-то испортилось, но где и что именно? Может, виной всему селезни, которых принесла Ива? Что, если девчонка что-то напутала или забыла, и теперь это проклятая пища? Но нет – утки пахли как полагается, все с ними в порядке. Тогда что же ее беспокоит? Беспокоит так, что заныли шрамы на спине, рука легла на рукоять самого острого тесака, а мочки ушей побледнели.

Но потом Роза поняла, что виной всему некий звук – монотонное гудение на самом пределе слуха. Она не столько услышала его, сколько почувствовала. Гадкий звук, неприятный, надоедливый, точно назойливая муха. Повариха завертела головой, пытаясь понять, откуда он доносится, но не смогла определить источник. Может, он звучал только у нее в голове?

Повариха почесала мизинцем в ухе, но странный звук не исчез и даже стал громче. Мерный гул, то выше, то ниже, каким-то образом он проникал в нее и резонировал в костях. Повариха сжала челюсти, нож упал на пол. Беспричинная тревога нарастала как снежный ком. Что-то здесь не так… Она же ведь где-то слышала что-то подобное, этот звук, эту… Песню?

В темной комнате

– Матушка? – Ива приоткрыла дверь и осторожно заглянула внутрь.

В лицо подул холодный ветерок, и в носу засвербело от запаха сухой паутины. Ива глубоко вздохнула, лишь бы сразу не расчихаться. Из-за двери выскочил паучок размером с ноготь большого пальца и умчался вниз по коридору на длинных и тонких ногах. Ива замерла на пороге, прислушиваясь к шороху и шепоту теней.

– Входи, дитя, не бойся, – наконец послышался из темноты голос мягкий и ласковый, но было в нем и что-то такое, отчего у Ивы зашевелились волоски на руках. А впрочем, ей ли бояться? Ива рыбкой юркнула за дверь и беззвучно прикрыла ее за собой.

Ей потребовалось совсем немного времени, чтобы глаза привыкли к темноте, и чуть больше – чтобы погрузиться в атмосферу размеренного спокойствия, царившую в этой комнате. Здесь никто и никогда не спешил, и даже ее беспокойное сердце начинало биться медленнее. Здесь застыло само время. У дальней стены возвышались напольные часы в деревянном корпусе – их стрелки давно остановились, тяжелый бронзовый маятник оплела паутина. Искусно вырезанные импы и гротескные горгульи крепко спали и изредка глубоко зевали, не размыкая деревянных век.

Матушка сидела в кресле и, по своему обыкновению, что-то вязала. Мелькали костяные спицы и длинные пальцы, но в этом мельтешении не было никакой суеты. В темноте комнаты ее бледное лицо светилось, точно луна ясной ночью, но глаза оставались бездонными черными провалами.

– Где ты пропадала, солнышко? – спросила она ласково, ни на секунду не прекращая вязания. То, что струилось из-под ее спиц, походило на покрывало, сплетенное из прядей утреннего тумана, или, быть может, на тонкую рыболовную сеть. Но какую рыбу можно поймать такой сетью? Уж точно не речную форель.

Скрестив ноги, Ива села на пол рядом с креслом… Любопытный паучок пробежал по ее руке до плеча, спрыгнул и исчез в темноте.

– Гуляла по лесу, – сказала Ива. – Выслеживала кое-кого.

– И выследила?

– Нет, – вздохнула Ива. – Пока еще нет.

– Будь осторожна, милая. Охота – дело непростое, и кто знает, куда заведет тебя эта тропа. Ты ведь помнишь, чему я тебя учила?

– Конечно помню! – возмутилась Ива. – И ты, Крестный и Роза… Все только и делают, что чему-то меня учат.

Протянув одну из рук, Матушка потрепала ее по макушке.

– А ты все так же непослушна и нетерпелива, вороненок. – Она подцепила длинную черную прядь дочери и намотала на палец. – Боюсь, даже когда эти волосы станут белыми как снег, ты все равно не успокоишься…

– А зачем? – спросила Ива, заглядывая в ее бездонные глаза, и на это Матушка Ночи ничего не смогла ответить, лишь печально улыбнулась.

Но вдруг что-то в ее лице переменилось: ни с того ни с сего оно стало острее и злее, глаза сузились, губы вытянулись в тонкую ниточку. Матушка выпрямилась в своем кресле, отдернула руку с головы дочери и прекратила вязать.

– Что-то случилось? – насторожилась Ива.

– Ты слышишь это, дитя? – спросила Матушка Ночи.

Ива завертела головой, прислушиваясь к шорохам и шепоту темноты и прочим звукам дома. Где-то в коридоре скрипнула половица, кто-то пробежал, громко топая маленькими ножками, ветер и духи завывали в трубах, на чердаке печально ухнула сова. Причудливые и странные звуки, но для Ивы в них не было ничего необычного.

– Что именно?

– Песню. – Матушка нахмурилась. Меж тонких угольно-черных бровей появилась глубокая складка.

– Нет, – сказала Ива. – Какую еще песню?

Матушка ответила не сразу, но Ива умела ждать. Она сидела тише, чем мышь в доме, полном кошек, не смея пошевелиться и лишний раз вдохнуть. Наконец Матушка немного расслабилась, напряженные плечи поникли, и костяные спицы снова застучали, задавая ритм ее речам.

– Я расскажу тебе историю, – начала она. – Давным-давно, когда солнце было луной, а луна солнцем, когда Большой Лес простирался до самого края земли, а его тропы топтали звери, о которых никто и не помнит, в те далекие времена у людей не было языка. Они не знали слов, не знали криков и были немы как рыбы, все до единого. Плохо им было без языка: никто не мог позвать на помощь, никто не мог предупредить об опасности, они теряли друг друга в темноте ночи, они пропадали в глубинах пещер. Они не знали сказок и историй и не могли делиться ими со своими детьми… И жила тогда одна птица по имени Птица. Однажды она сидела на ветке большой березы, а внизу копошились люди – те, что не знали ни слов, ни звуков. Посмотрела на них Птица и почувствовала такую жалость в своем сердце, что слезы брызнули из ее глаз. И тогда птица сказала: «Я Птица, я знаю сто сотен Песен, а эти голые птенцы не знают ни одной. Я могу подарить им одну Песню, с меня не убудет». Она выбрала одного ребенка и научила его Песне Радости, и это был первый человек, который засмеялся. Но потом Птица увидела, что одной Песни людям мало. Тогда она выбрала другого ребенка и научила его Песне Горя, и это был первый человек, который заплакал. Но и двух Песен людям оказалось мало, и тогда Птица научила людей множеству других песен – Песне Охоты и Песне Любви, Песне Дня и Песне Ночи… Все сто сотен Песен добрая Птица отдала людям. Но и этого им оказалось мало. И когда Птица спустилась к ним в последний раз, они поймали ее, убили и съели. Из ее перьев женщины сделали себе украшения, из ее костей мужчины сделали рыболовные крючки. С тех самых пор птицы больше не плачут, а у людей появились Песни. Это уже потом, много позже, люди разобрали Песни на кусочки и сложили из них слова… Но вначале, вначале были Песни.

Матушка замолчала. Ива шмыгнула носом и сморгнула навернувшиеся слезы.

– Бедная Птица! Эти люди обманули ее! Они забрали у нее самое дорогое, а сами…

Матушка Ночи едва заметно пожала плечами.

– Такие были времена.

– Ничего не изменилось, – зло сказала Ива. – Эти люди и сейчас продолжают брать и ничего не отдают взамен, а то, что берут, они ломают и портят, и…

– Но ты тоже человек, – мягко напомнила Матушка и, протянув руку, вытерла слезы на щеках дочери. – Люди бывают разные, как и птицы. Как и Песни. Помни об этом.

Она снова беспокойно огляделась. Тень пробежала по узкому лицу, словно крыло ночной птицы на мгновение скрыло бледный лик луны. Ива напрягла слух, но все впустую.

– А какую Песню ты услышала сейчас? – спросила она.

Матушка опустила голову.

– Последнюю Колыбельную, – чуть помедлив, ответила она. – Это старая Песня…

– Песня для сна? – спросила Ива, вспоминая все те колыбельные, которые пела ей Матушка. Песни без слов и песни со словами, которых Ива не знала и не понимала, – Хозяйка Ночи знала все колыбельные мира.

– Нет, милая, это другая Песня. Эта песня для смерти.

Тихая ночь

Салазару снился сон, и в этом сне он был кем-то еще. Не доктором и даже не человеком, а беззащитным зверем, загнанным в ловушку и обреченным на смерть. Оленем, которого затравили волки, белкой, пойманной куницей, полевкой в когтях у совы… Всеми ими сразу. Смерть в тысяче своих обличий стояла у него за плечом и пела ему песню тысячей своих голосов. Но голоса менялись, а песня оставалась все той же – медленная и тягучая, звучащая то выше, то ниже, стирающая все, что некогда было важным, и оставляя взамен покой и забвение…

Салазар проснулся мокрый как мышь; и простыни, и наволочки хоть отжимай. Шерстяное одеяло комом сбилось в ногах, видимо, доктор сражался с ним всю ночь и, похоже, победил. Глупейший поступок с его стороны. Но откуда ему знать, что комары со всего леса так обрадуются его визиту, что закатят грандиозную вечеринку и соберут на нее всех своих родственников, друзей и знакомых? То, что в лесу много комаров, – самый очевидный из всех очевидных фактов. Но Салазар и подумать не мог, что их окажется настолько много. За эту ночь он потерял не меньше стакана крови, а от бесчисленных укусов у него чесалось все, что могло чесаться.

Застонав, Салазар перевернулся на один бок, на другой, попытался ногтями содрать кожу с колена – вдруг поможет? – и в итоге не выдержал и сел на краю кровати.

Чувствовал он себя препаршиво. Как если бы его прокрутили в стиральной машине вместе с кустом колючего чертополоха. Голова, к счастью, не болела, но вместо этого ломило суставы, во рту пересохло, а на языке держался гадкий привкус болотной тины. Хотелось немедленно прополоскать рот, и желательно – едким щелоком. Самогон, которым угощал его Григер, на деле оказался коварной штукой, и если такая гадость творится у него во рту, то страшно представить, что происходит сейчас в желудке. Впрочем, сказал себе доктор, он не ослеп, а это уже большой плюс.

В комнате было нестерпимо душно. Удивительно: уж чего, а свежего воздуха в лесу должно хватать с избытком. На деле же его оказалось меньше, чем в переполненном автобусе с задраенными окнами. Видимо, эта духота и породила ночные кошмары. Духота и алкоголь, по крайней мере, такое объяснение звучало логично.

На соседней койке похрапывал Ласло – тот самый молодой егерь, который привез его на станцию. Отдельной комнаты для доктора не нашлось, пришлось разделить кров с этим словоохотливым парнем. Не то чтобы Салазар возражал, но… События прошлого вечера расплывались как в тумане. Но, кажется, перед тем как доктор отключился, Ласло битый час донимал его вопросами о таинственной девочке. Мол, что Салазар думает об этой истории и что теперь надлежит делать. Вопросами, на которые у доктора не нашлось ответов. Даже на самый главный.

– А вы сами как думаете, господин доктор, она вообще человек? – Голос Ласло дрогнул, и в его веселых глазах Салазар разглядел испуг.

– Я? Не знаю… – Он покачал головой, хотя в его состоянии делать этого не стоило. Мир и без того шатался, а зашатался еще сильнее. – Честно – не знаю.

Салазар провел ладонью по потному лицу. Проклятье… У него жар или это кажется? Ему одновременно хотелось и пить, и в туалет. Чудо, что мочевой пузырь еще не лопнул. Салазар напряг память, пытаясь вспомнить наставления Григера о том, где искать уборную: мимо корпусов в сторону леса, до дощатого домика. На станции все удобства были, как говорится, «во дворе». Главное, не заблудиться в темноте. Будить Ласло, чтобы попросить у него фонарь, Салазар постеснялся.

Он посидел еще немного на краю кровати, но в конце концов нужда заставила подняться. Стараясь особо не шуметь, доктор заковылял к выходу. Стоило открыть дверь, и в комнату ворвался поток прохладного ночного воздуха. Ласло проворчал что-то невнятное, но не проснулся, а перевернулся на другой бок и натянул одеяло на голову.

Доктор ненадолго замешкался на пороге, пытаясь понять, куда идти. Может, кто другой на его месте наплевал бы на условности и не стал бы далеко отходить от корпуса. Но строгое воспитание не дает расслабиться именно в самые неподходящие моменты. В конце концов, подумал Салазар, среди егерей были и женщины, и не хотелось, чтобы его застукали со спущенными штанами.

Темнота снаружи была не такая уж непроглядная. Светила луна, не полная, но достаточно яркая, чтобы не напрягать глаза. И под ее присмотром доктор пошатываясь побрел мимо корпусов в нужном, как он думал, направлении.

Ночь оказалась на удивление тихой, совсем не такой, какой должна быть ночь в лесу. В городе, когда доктор хотел расслабиться, он иногда включал записи со звуками ночного леса: шепот ветра в густой листве, журчание ручья, стрекот цикад и птичьи трели… Но сейчас, в настоящем лесу, Салазар ничего подобного не услышал. Его обняла тишина, такая плотная, что казалось, ее можно потрогать руками. Как будто лесной воздух впитывал в себя все звуки, поглощал их точно губка. Один-единственный раз из чащи донесся резкий вскрик – доктор не понял, птица ли это или зверь, – и снова сгустилась тишина. Как в комнате со стенами, обитыми пробкой.

В какой-то момент Салазар понял, что очутился напротив сарая, в котором держали девочку из леса. Он остановился у двери и прислушался. Ничего. Должно быть, странное создание – «существо», как назвал его Григер, – все-таки уснуло. Доктор решил, что это хороший знак. По крайней мере, девочка прекратила петь. Салазар сильно сомневался, что сможет когда-нибудь забыть жуткую тягучую мелодию, и знал, что еще не раз она будет ему сниться в самых страшных кошмарах. Но сейчас он ее не слышал, и это радовало.

Доктор немного потоптался у двери, но затем поспешил дальше по утрамбованной дорожке между корпусами. И только когда он добрался до туалетов, его вдруг осенило.

Замок! На двери сарая должен висеть замок. Тяжелый ржавый амбарный замок, по виду – настоящий антиквариат. Салазар отлично помнил, как Григер отпирал, а потом закрывал его. А на двери, у которой он остановился, никакого замка не было. Странно… Кто-то из егерей снял его? Но зачем?

Салазар поежился. Вот что за глупые мысли лезут в голову? Это темнота и тишина всему виной. Говорят, сон разума порождает чудовищ, но эти двое справляются не в пример лучше. Наверняка ему просто показалось, он чего-то не разглядел, а то и вовсе перепутал двери. В конце концов, на этой станции все здания выглядят одинаково, ну, а чтобы лишний раз не думалось, на обратном пути он еще раз проверит.

Салазар поднял голову и успел заметить, как по лунному лику скользнула быстрая тень. Может, летучая мышь, а может, и сова. Тихая ночь оказалась не такой уж и безжизненной, кто бы мог подумать! Однако же куда больший сюрприз ожидал доктора, когда он опустил взгляд.

Кто-то сидел на корточках на краю крыши ближайшего корпуса. Салазар разглядел лишь темный силуэт, очерченный по краю лунным светом. Точно вырезанная из черной бумаги фигурка из театра теней.

Салазар не испугался, хотя и вздрогнул от неожиданности. Видимо, подсознательно он ждал чего-то подобного. Доктор знал, что не спит, и тем не менее все происходящее несло на себе отпечаток причудливой логики сновидений. Любая странность воспринималась как нечто само собой разумеющееся.

Фигура на крыше оставалась неподвижной. Как если бы это была диковинная горгулья, вытесанная не из камня, а из темноты, из плоти самой ночи. Мелькнула мысль, что это лесная девочка – в точно такой же позе она сидела, когда Салазар ее покинул. Но некто выглядел заметно крупнее пленницы. Взрослый, а не ребенок. При условии, что это вообще человек, в чем доктор засомневался. Уж больно непропорциональной и изломанной казалась таинственная фигура. Слишком много прямых линий, и все – под неправильными углами. Неестественно вытянутая голова с плоской макушкой клонилась набок, и доктор не сразу сообразил, что это всего-навсего шляпа.

Салазар так и не понял, как долго он таращился на странную фигуру на крыше. Должно быть, не более нескольких секунд, но время будто остановилось. А потом еще одна быстрая тень пересекла луну, и на этот раз это точно была летучая мышь. И доктор очнулся от забытья.

– Эй! – крикнул Салазар, вот только голос прозвучал не громче шепота. – Эй! Кто… Что вы здесь…

В то же мгновение темная фигура метнулась в сторону и исчезла за краем крыши. Салазар же остался стоять, уставившись в пустое пространство и гадая, не померещилась ли ему эта встреча. Не иначе как у него случилось кислородное отравление от избытка свежего воздуха, вот и мерещится невесть что. Так ведь бывает? Доктор замотал головой в безуспешной попытке стряхнуть наваждение. В этом лесу чего только не бывает.

На обратном пути Салазар все же завернул проверить дверь сарая, исключительно ради собственного спокойствия. И лучше бы он этого не делал. Навесной замок и в самом деле отсутствовал – кто-то попросту вырвал его

вместе с петлями. И стоило слегка потянуть за ручку, как дверь тут же распахнулась.

Салазар застыл на пороге. Войти в сарай он не осмелился. Он уже знал, что таинственной девочки там не окажется и глупо даже пытаться ее там найти. Сама или с чьей-то помощью она смогла сбежать.

Салазар медленно опустил руки. Наверное, он должен поднять тревогу, должен известить Григера или еще кого, должен хоть что-то предпринять. Но доктор не двинулся с места. Он же с самого начала знал, что этим все и закончится. С того самого момента, как увидел эту бледную девчонку. Ведь, как ни крути, а она была чудом. Пусть недобрым, даже страшным, но все-таки чудом. Никакие двери и замки, никакие ремни не способны его удержать. Чудо появляется и исчезает тогда, когда ему вздумается.

Доктор, пятясь, отошел от сарая и, опустив голову, поплелся обратно в свой корпус. Случившееся еще предстояло осознать или же принять как данность. Но это потом, а сейчас доктор был не способен об этом думать.

В таком сомнамбулическом состоянии Салазар добрался до корпуса и даже умудрился не заблудиться по дороге. Дверь оказалась открыта, но тут ничего удивительного – он сам же ее не запер, а остальное сделал ветер. Ох, и налетело поди комаров, но хотя бы Ласло перестал храпеть…

Салазар вошел в домик и тут же обо что-то споткнулся в темноте, чуть не упал. Медленно, все еще пребывая в липком полузабытье, доктор опустил взгляд и… Салазар только и успел, что пару раз моргнуть, прежде чем осознание случившегося обрушилось на него как горная лавина – круша и ломая все на своем пути.

Раскинув руки, на полу лежал Ласло. Лицом вниз в луже собственной крови. В огромной блестящей лаково-черной луже.

Именно тогда Салазар и закричал, но своего крика он не услышал.

Как дикие звери

Медленно, заметно пошатываясь, из домика вышла девушка-фельдшер – коренастая, крепко сбитая, из тех, про которых принято говорить «кровь с молоком». Но на лице ее не было и кровинки. Она остановилась, опираясь о стену, бледная как сама смерть, под глазами чернели круги. Несколько минут она стояла, согнувшись чуть ли не пополам, и тяжело дышала, но затем нашла в себе силы, выпрямилась и зашагала к Григеру. О чем они говорили, Салазар не слышал, но разговор был долгий. Наконец начальник станции отпустил девицу – она отошла на пару шагов, и вот тут-то ее и вывернуло наизнанку.

Доктор Салазар сидел на земле, укрытый теплым шерстяным одеялом, но дрожал так, будто голышом очутился на Северном полюсе. В трясущихся пальцах тлела сигарета, и доктор понятия не имел, как она там оказалась. Он даже не затягивался – просто смотрел на то, как змеится струйка сизого дыма, как растет, загибаясь вниз, столбик пепла, а затем обламывается и падает на край одеяла. В любой момент, представлял Салазар, это одеяло могло вспыхнуть, как пропитанная бензином тряпка, он не успеет скинуть его, прежде чем сам обратится в горящий факел. Эта мысль нисколько его не пугала, даже наоборот. Думать о собственной смерти оказалось куда легче, чем о смерти чужой.

Чеканя шаг, к Салазару подошел Григер. Видно было, что он порывается что-то сказать: пышные усы то и дело начинали мелко дрожать, но слова не приходили. Не выдержав, начальник станции достал из кармана мятую пачку, прикурил с четвертой попытки, ломая спички, и не меньше минуты дымил как паровоз, затягиваясь так глубоко и так часто, что в итоге закашлялся и долго не мог прийти в себя.

– Глаза и язык, – наконец сказал Григер. – Ему выдавили глаза и вырвали язык… Шея сломана.

Лицо начальника станции было белым как полотно. От его вовсе не напускной мужественности не осталось и следа. Горящий кончик сигареты метался из стороны в сторону.

– Вы знаете, кто так поступает? – спросил он.

– Сумасшедший? – предположил Салазар, хотя и знал, что ответ неверный.

– Нет, – резко ответил Григер. – Разве что этот псих воображает себя тигром или леопардом. Волком.

– В смысле? – не понял доктор.

– Так нападают дикие звери, – объяснил Григер. – Ломают шею, а после поедают мягкие ткани. Вот что я имею в виду.

– То есть, – Салазар сглотнул слюну, – хотите сказать, что это сделал какой-то зверь?

Григер посмотрел на него так, что на секунду доктор испугался, что тот его ударит. Не со зла, а лишь для того, чтобы хоть как-то выплеснуть свои страх и гнев, обиду и боль. Но начальник станции сдержался.

– Я ничего не хочу сказать, – буркнул он. – Это просто факты.

Утро еще не наступило, но ночь уже ушла, уступив место серым предрассветным сумеркам. Скоро темные макушки деревьев вспыхнут жидким золотом, и с первым лучом солнца начнется оглушительный птичий концерт. Но лес молчал. Он словно бы затаил дыхание.

Григер швырнул недокуренную сигарету под ноги и яростно втоптал в землю.

– Я не понимаю, – сказал он, – как? Как она это сделала? Как она смогла выбраться? Как…

– Она? – переспросил Салазар.

– А кто же еще?! Эта мерзкая тварь, лесная дрянь…

– Не думаю, что это она, – сказал доктор.

– Не думаете? В смысле «не думаете»? Да вы же сами мне рассказали, как она на вас набросилась – там, в сарае.

– Я помню, – вздохнул Салазар. – А еще я помню, что рассказал вам, как видел кого-то этой ночью. Какой-то человек сидел на той крыше.

Доктор махнул рукой, указывая направление. Одеяло упало с плеч, он не стал его поднимать.

Григер провел ладонью по лицу.

– Да, рассказали, – признал он. – Черт! Вы даже не представляете, насколько дико это звучит. Но…

Начальник станции глубоко вздохнул, и плечи его поникли.

– Она была не одна. Это многое объясняет. Мы ее забрали, но кто-то нас выследил и пришел за ней. Проклятье! Может, их тут целое семейство!

– Семейство кого? – поежился Салазар.

Григер скривил рот.

– Откуда я знаю? Это вы здесь специалист. Каких-то дикарей, одичалых психов, черт его знает… Может, это какой-то кровавый культ? В этом лесу кого только не встретишь. От хиппи-отшельников до сектантов-фанатиков. Браконьеры, самогонщики, черные лесорубы, прочий сброд. Мы тут как на войне, пусть никто этого и не замечает.

– Я… – начал доктор, но не нашелся что сказать и понуро опустил голову. Начальник станции сплюнул.

– А на войне, – сказал он, – разговор короткий. Есть ты, и есть враг, и врага нужно уничтожить. Это наша прямая обязанность, и правило здесь одно – либо ты, либо он.

– Уничтожить? – Салазар поднял взгляд. – В смысле…

– Да в прямом смысле! – рявкнул Григер и хлопнул кулаком по раскрытой ладони. – Не может тут быть никаких других смыслов!

– Это… – Салазар сглотнул. – Это противозаконно. Преступника полагается…

– Преступника? – перебил его Григер. – Нет здесь никакого преступника. Тот, кто это сделал, вообще не человек. Это дикий зверь, причем зверь бешеный. И у меня есть четкая инструкция, как поступать с бешеными животными.

И опять Салазар не нашелся что сказать. Он знал, что то, что говорит Григер, неправильно, но в глубине души прекрасно его понимал. Случившееся с Ласло… В голове не укладывалось, как такое может быть.

Доктор посмотрел на девушку-фельдшера. Она сидела на корточках спиной к стене корпуса и рыдала навзрыд. Возможно, их с молодым егерем что-то связывало? Возможно. Но доктор знал, что никогда не решится спросить об этом.

– И что вы собираетесь делать?

– То, что должен, – ответил Григер. – Выследить того, кто это сделал, и уничтожить.

Он силой ударил себя по щеке, размазав неудачливого комара, и показал Салазару ладонь с пятном крови прямо посередине.

– Вот что я собираюсь сделать, ясно?

Доктор торопливо кивнул. Григер, удовлетворенный этим, выпрямился и расправил плечи.

– Среди моих ребят хватает отличных следопытов, – сказал он, глядя на темную стену леса. – Даже не сомневайтесь, господин доктор, мы их быстро найдем.

Настоящее сокровище

Они кружили по лесной поляне – Урдак и девочка с бездонными черными глазами и черным окровавленным ртом. Кружили медленно, не останавливаясь,

не спуская друг с друга глаз. Ни один не решался повернуться спиной, оба держали дистанцию.

Урдак был озадачен. Девчушка-то совсем мелкая, ему ничего не стоило наброситься на нее, свернуть ее тощую шею и впиться зубами в еще горячую плоть. Его желудок просил и умолял об этом, едкая желчь стекала струйкой с уголка рта. Но Урдак был не настолько глуп. Он видел, что девчонка не так проста, как кажется, видел ее глаза и видел ее зубы. То, как она на него смотрела… В ее взгляде не мелькнуло даже тени страха. Она, так же как и он, приценивалась, примерялась. Как бы самому не стать ее обедом!

– Вы только посмотрите, мистер Гош, – сказал Урдак. – А кто это тут у нас?

Он вытащил медведя из кармана и вытянул руку, покачивая игрушкой из стороны в сторону. Голова мистера Гоша мотнулась, якобы просто так, но Урдак-то умел понимать его послания. «Будь настороже, – сообщил ему старый друг. – Она опасна!»

Девчонка чуть замедлилась, склонила голову, и в ее глазах Урдак разглядел некое подобие интереса. Он потряс медведем перед собой, голова мистера Гоша едва не отлетела в сторону.

– Дееевочка… Ты хочешь поиграть? – проскулил Урдак. – Смотри, что у меня есть! Хочешь посмотреть поближе?

В ответ девчонка зашипела и отскочила на шаг назад. Черные глаза сверкнули. Нет… Ее так просто не возьмешь. И Урдак, склонив голову, сам отступил на полшага. Они продолжили кружить, как будто танцевали диковинный танец.

– Кто ты? – спросил Урдак. – У тебя есть имя?

Девчонка не ответила, но Урдак и не ждал ответа. Чем-то она напомнила ему черноволосую мерзавку, детеныша Матушки Ночи. Но, конечно, это не она. Слишком тощая и костлявая, с неправильными чертами лица, да еще и без одежды. Ведьма бы такого не допустила. Все, кто жил в ее доме, ели досыта и тепло одевались. И пахло от этой девочки совсем иначе – болотом и лесом, и еще свежей кровью, а вовсе не дымом и домом. Но все же, все же… Урдак вытянул шею, присматриваясь, принюхиваясь. Все же они похожи – эта девочка и глупое

воронье отродье. Как если бы одна была отражением другой, но отражением в грязном, кривом, испорченном зеркале, в луже, в болотном омуте, в чужих глазах… Урдак со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы. В его глазах.

– Кто ты? – снова спросил Урдак. – Я тебя знаю? Мистер Гош, мы знаем ее? Она наш друг?

Урдак знал, что ответ на этот вопрос – «нет». У него есть только один друг – мистер Гош, а других друзей нет и быть не может. Эта девочка ему совсем не друг… Но кто же? Почему он освободил ее, вместо того чтобы воспользоваться ее беззащитностью, когда была такая возможность? Почему они бежали вместе и почему она не сбежала от него? Урдак смутился, такого с ним прежде не случалось. Он никак не мог отделаться от чувства, будто знает эту девчонку, несмотря на то, что раньше они не встречались. Разве что… во сне?

– Косточки, – прошипела девочка, низко припадая к земле. – Мягкие косточки…

Ее ноздри широко раздувались, кончик длинного языка скользнул по синюшным губам, глаза сузились. Девочка беспокойно завертела головой. Отличный момент, чтобы напасть, пока она, пусть и на мгновение, потеряла бдительность. Однако Урдак не шелохнулся.

– Сла-адкие… – протянула девочка. – Близко…

Все до единой кости на лице Урдака пришли в движение – как будто перестраиваясь и меняясь местами, отчего черты стали резче и жестче. Урдак сжал мистера Гоша в кулаке так, что тот обиженно заскрипел, а затем затолкал игрушку глубоко в карман.

Где-то далеко хрустнула сухая ветка. Послышались приглушенные голоса. Ветер донес запахи пота и дыма, огня и железа, страха и крови… Урдак знал, что это значит – опасность рядом. Не всегда он был охотником. Случалось и такое, что охотились на него.

По телу прокатилась нервная дрожь. Мышцы напряглись, натянулись жилы… Он был готов кинуться в сторону, в спасительную тень лесной чащи. Туда, где он знал все тропы и где никто не сможет его выследить. Но он остался стоять на поляне, глядя на сжавшуюся девчонку.

Урдак вдруг понял, что не может ее бросить. Не может оставить ее один на один с преследователями. Отнюдь не из жалости, не из сострадания, не из симпатии… Нет – все эти «благородные» чувства ему неведомы. Урдака удержала исключительно жадность.

Ему нужна эта девчонка. Глядя в ее непроглядно-черные глаза, на спутанные космы и торчащие ребра, Урдак увидел за ними нечто совершенно иное: возможности. Не важно, кем она была, не важно, откуда взялась, даже ее имя не имело значения. Главное, что она была ключом. Его пропуском, и не куда-нибудь, а прямиком в Дом Матушки Ночи. Урдак еще не знал, как работает этот ключ, но с этим он разберется. Сейчас же важно другое: девочка – настоящее сокровище, а сокровища нужно беречь.

– Эй, ты! Держись ко мне ближе. – Урдак поправил на голове цилиндр. – Держись ближе и не отставай. Нас ждет веселый денек.

Девчонка хищно оскалилась.

Только сказки

На душе у Ивы было неспокойно. Что-то странное творилось в лесу, что-то плохое. Беспричинная тревога давила на грудь, сжимала сердце и не давала сосредоточиться даже на самых простых делах. Ива пыталась читать – буквы не складывались в слова, взялась чинить оперение на стрелах – так все испортила.

За ужином дела обстояли не лучше. Превосходный утиный суп, который приготовила Повариха, показался ей безвкусным. Пока остальные жильцы Дома Матушки Ночи ели, и нахваливали, и просили добавки, Ива скребла ложкой по дну тарелки, вылавливая бледные кружочки моркови, и откладывала их в сторону. Если бы это заметила Повариха, всем им несдобровать – Роза по-настоящему обижалась, когда ее стряпне не воздавали по заслугам.

Однако за ужином Роза и сама выглядела растерянной и подавленной. То и дело она замирала, устремив пустой взгляд на некую невидимую точку. Апофеозом ее отрешенности стало то, что она подала Некто Тощему утиное крылышко. В

другой раз Повариха нипочем бы не допустила подобной бестактности. К чести человека-птицы, он не стал раздувать скандал, а молча обменялся тарелками с соседом. И этого Повариха так же не заметила.

Ива хотела спросить у Розы, что случилось, однако после ужина та улизнула и затерялась в глубинах дома. Сил же ее искать у Ивы не нашлось, тем более что не было никакой гарантии, что она ее найдет. Так уж устроен Дом Матушки, что в лабиринтах темных коридоров затеряться куда проще, чем в самой густой лесной чаще.

Ночь Ива провела в своей комнате и своей постели.

Спала она с распахнутыми настежь окнами, но это не то же самое, что спать в лесу под звездами. В лесу на нее бы набросились комары и мошки, однако к Дому Матушки Ночи они подлетать побаивались. Казалось бы, при таком раскладе, когда никто не гудит и не звенит над ухом, Ива должна спать без задних ног. Но ничего подобного. Ей было то холодно, то жарко, душно, несмотря на ветерок из раскрытого окна. Она ворочалась с боку на бок, несколько раз перекладывалась головой то к окну, то к дверям и всерьез раздумывала над тем, не пойти ли спать на крышу.

Лишь под утро Иве удалось задремать. И ей снова приснился сон про черное лесное озеро и диковинную рыбу с человеческим лицом. Снова эта рыба звала ее в бездонные глубины, и на этот раз она пела ей песню без слов. Ива ее не слышала, но ощущала каждой клеточкой своего тела – медленная тягучая мелодия текла через нее, заполняя собой все и вся. Она звучала то выше, то ниже, и ее невозможно было не слушать. Ива дрожала и металась, как птица, попавшая в силки. В итоге запуталась в простынях и оттого проснулась. За окном уже забрезжил рассвет.

Ива выбралась из постели и, шлепая босыми ногами по сырому от росы полу, подошла к окну. Лес за оградой вознесся черной стеной, укутанной белым саваном утреннего тумана. Стеной неприступной, если не знать тайных троп и ходов, но Ива их знала.

На решетке ограды дремала ворониха; в рассветной дымке ее блестящее оперенье отливало лиловым и темно-синим.

– Кра! – крикнула Ива из окна.

Ворониха вскинула голову.

– Кра! Кра! – и, сорвавшись с места, тяжело полетела в сторону леса.

Некоторое время Ива стояла, обхватив руками голые плечи и провожая птицу взглядом. Сон окончательно растворился в зыбком свете раннего утра. Но мучившее Иву беспокойство никуда не делось. Что-то неправильное творилось в лесу, что-то плохое…

При всем желании Ива не смогла бы объяснить, откуда она это знает. Да и знанием это назвать сложно, разве что предчувствием. Что-то нашептали ей деревья, что-то прошелестел на ухо ветер, туман принес неприятный мускусный запах. Эти речи невозможно понять умом, а только прочувствовать.

Что-то плохое творилось в лесу…

Не выдержав, Ива торопливо оделась и собрала все, что могло понадобиться, – лук и стрелы, а еще два ножа. Один, кортик с прямым клинком, в красивых алых ножнах, она когда-то выклянчила у лейтенанта Юстаса из Пропащего Батальона. Это был нож для битвы, на случай если в лесу ей встретится тот, с кем не избежать схватки, – волк или вепрь, а может, кто и похуже. Другой нож ей подарил крестный. Чуть изогнутый, с широким лезвием, он нужен для того, чтобы резать шкуры и потрошить добычу. Это пока что ножу доставались кролики и птицы да рыба из реки, но Ива знала, что когда-нибудь его ждет встреча с настоящим Зверем.

Она не пошла к входной двери, а вылезла прямо в окно и спустилась по тугим плетям девичьего винограда, оплетавшего стену Дома. Так и короче, и быстрее, и не нужно волноваться о том, что кто-то сможет ее остановить. Если кто и видел ее уход, так это чертополохи – мелкие мерзавчики шныряли туда-сюда по двору, прячась в густой траве. Но о них можно не беспокоиться, они не выдадут.

Ива уже почти добралась до ворот, когда за спиной пророкотал тяжелый голос:

– Эй! Куда это ты направляешься?

На крыльце дома, скрестив могучие руки на могучей груди, стояла Доброзлая Повариха и смотрела на Иву из-под насупленных бровей. Но лицо ее было нормального цвета, да и вообще – в другой своей ипостаси Роза не стала бы задавать вопросов.

– В лес. – Ива решила обойтись без подробностей.

Повариха медленно кивнула.

– Подойди сюда, – велела она, и Ива не посмела ослушаться. Она остановилась в полушаге от Розы – самое безопасное расстояние, чтобы в случае чего успеть отскочить в сторону. Ива любила Повариху, но рисковать собственной шеей не стоило.

– Ты ведь тоже это слышала? – спросила Роза, глядя поверх головы Ивы на волнующийся лес.

– Песню? Нет, не слышала… Но ее слышала Матушка. Она рассказала мне историю про птиц.

– На все-то у нее найдется история, – покачала головой Повариха. – Все сказочки да прибаутки. А я расскажу тебе другую историю…

Она смачно сплюнула себе под ноги.

– Давным-давно, – начала свой рассказ Повариха, – когда солнце было ярче, луна белее, а по земле ходили звери, каких ты никогда не видела, в деревне, что стояла на краю леса, жила одна женщина. Жила не хорошо и не плохо, был у нее муж и четверо сыновей, и женщина заботилась о них, как умела. Готовила им еду, стирала рубахи и пела песни, когда они не могли уснуть. Другой жизни та добрая женщина не знала, да и не хотела знать. Она жила, как жила ее мать, и мать ее матери, а если ты спросишь, была ли она счастлива, я скажу, что счастливее ее не было никого на свете. Муж ее был добрым человеком и никогда не обижал ее; он был хорошим охотником, и в их доме всегда было вдоволь еды. Сыновья ее выросли красивыми и сильными, и все девицы в деревне поглядывали на них украдкой, гадали, кто же кому достанется, и вздыхали по ночам…

Повариха замолчала. Ива не торопила ее, стояла молча, чуть согнувшись, и внимательно следила за тем, не начали ли бледнеть отвислые мочки ушей, не появились ли белые пятна на жилистой шее, не вздулись ли вены на сильных руках. Но ничего такого она не увидела, никаких признаков и примет надвигающейся перемены. Роза выглядела просто… усталой?

– И вот однажды, – продолжила Повариха, – шла та женщина от реки, в которой стирала рубахи для своих сыновей, и встретила Птицу, каких никогда прежде не видела. Птица сидела на трухлявом пне, большая и грязная, будто искупалась в золе и пепле, с уродливой лысой головой без единого перышка. Птица пела песню, какую женщина не слышала раньше, а ведь она знала сотню сотен разных Песен. И ей бы пройти дальше, ведь все знают, что не стоит разговаривать с незнакомыми птицами, но женщина остановилась и спросила: «Что это за песня? О чем ты поешь?»

Голос Розы зазвучал выше и резче, взгляд затуманился, плечи поникли, но она продолжала свой рассказ:

– «Я пою о том, чего ты не знаешь, – сказала черная птица. – О резне. О геноциде. О низших расах и тактике выжженной земли. О проломленных черепах и о вспоротых животах. Я пою о смерти и о том, что моим детям теперь надолго хватит еды». Ничего не поняла женщина, но слова напугали ее. «Как тебя зовут?» – спросила она лысую птицу, и та ответила: «Война». Еще больше испугалась женщина, побросала белые рубахи на красную землю и побежала в свою деревню. Да только прибежала она слишком поздно. Пролетела над деревней лысая птица и накрыла ее своими черными крыльями, а за нею пришли ее дети с огнем и железом. И пропала та деревня. Обратилась в дым, да горячий пепел, да холодную золу. Никого не осталось на пепелище. Всех забрали дети лысой птицы: и мужа той женщины, и ее сыновей, и юных девиц, что вздыхали по ночам. И я могла бы рассказать тебе, вороненок, что с ними стало, но я уже рассказала слишком много. Как увидела та женщина, что стало с ее деревней, что стало с ее мужем и с ее детьми, то переменилась она в лице и закричала страшным голосом. Бросилась она на детей лысой птицы и рвала их сильными руками. Но много их было, слишком много, когти у них были острые, а клювы крепкие, железные. Не смогла прогнать их женщина. Схватили ее дети лысой птицы и уже хотели выклевать ее горячее сердце да позабавиться. С кровью и мясом вырвалась женщина из их когтей, вырвалась и убежала в лес. И бежала, покуда у нее хватало сил… А то, куда она прибежала и кого она там встретила, – это уже совсем другая сказка.

Она замолчала и молчала так долго, что солнце успело подняться над лесом, омыло золотом острые макушки гигантских сосен и елей. Ива молчала вместе с ней. В лесу застрекотала сорока, «тинь-тинь» – запела зеленая пеночка.

– Это случилось на самом деле? – спросила Ива.

– Кто ж теперь скажет, вороненок? – вздохнула Роза. – Давно это было, слишком давно – теперь и лес совсем другой, и птицы в нем живут другие. Все это сказки, милая, только сказки.

По следу

– Они были здесь, – сказал высокий темноволосый егерь с татуировками на шее. Салазар не запомнил его имени. – Самое большее – пару часов назад.

До того парень почти четверть часа ползал по лесной поляне, разглядывая каждую травинку, каждую былинку. В какой-то момент Салазар решил, что сейчас егерь начнет нюхать землю, но до этого не дошло. Сам доктор не видел вообще никаких следов того, что на поляне кто-то побывал. Но куда ему…

Салазар не понимал, зачем он вызвался в этот поход. И не просто вызвался, так еще и настоял на своем решении. Он же не следопыт и не охотник, от него в лесу никакой пользы. Лишь путается зря под ногами. Но остаться на станции доктор не смог. От одного взгляда на ряды щитовых корпусов его начинало лихорадить. Потому-то он и натирал мозоли в мокрых башмаках, топая за Григером и его людьми по узким тропам. Потому-то он и делал вид, что не замечает злых, презрительных и даже исполненных ненависти взглядов, которые бросали в его сторону егеря. Доктор не сомневался, что некоторые из них винят его в случившемся с Ласло. Да он и сам так думал. Если бы он той ночью не стал отходить от корпуса, если бы по-настоящему обратил внимание на сорванный замок, если бы поднял тревогу сразу, как заметил фигуру на крыше… Бесконечное «если» – худший из всех кругов ада, и жить ему в этом аду до конца своих дней. Его решение пойти с егерями не более чем жалкая попытка погасить пламя вины.

– Сколько их? – спросил Григер, поправляя на плече ремень охотничьего карабина. Из всего отряда только Салазар был без оружия.

Татуированный егерь мотнул головой.

– Двое, мужчина и ребенок. Они тут были довольно долго, то ли танцы какие танцевали, то ли пытались запутать следы…

– Танцы! – Григер в раздражении пнул какую-то кочку, ошметки мха полетели во все стороны.

– Петляли как зайцы, капитан. – Егерь выпрямился и махнул рукой. – Потом они направились туда. Если поторопимся…

Он бросил многозначительный взгляд на Салазара, но доктор притворился, что ничего не заметил. Конечно, именно он всех и задерживает, не будь его, егеря давно бы настигли добычу. Он расправил плечи, но у егеря это вызвало лишь злую усмешку.

– Тогда пошли. – Григер перехватил карабин поудобнее. – Нечего лясы точить.

Татуированный уверенно зашагал к деревьям. За ним двинулся Григер, а следом потянулись и остальные егеря. Салазар замыкал цепочку, держась на виду, но на некотором расстоянии. Все же он был чужаком – как среди этих людей, так и в этом лесу.

Эх… Дорого бы он отдал за возможность очутиться сейчас в своем кабинете, в своем любимом кожаном кресле, среди книг и скучных бумаг, в городе с его привычными запахами асфальта и выхлопных газов! Что бы там ни говорили об облагораживающем влиянии природы на человека и о том, что, для того чтобы достичь гармонии, люди должны выйти из четырех стен навстречу миру, – это же полная чушь! Выйти в мир, конечно. В мир, который только и ждет, как бы тебя сожрать? В конце концов, люди не просто так строили свои стены. Кто там сказал, что лес – это ад на земле? Салазар не помнил, но обеими руками был готов подписаться под этой максимой.

Лес давил на него всей своей зеленой массой. Все здесь было неправильным, даже свет, пробивающийся сквозь густую листву. Свет, в котором смешались темное золото и свежая зелень, мягкий, плотный и маслянистый. Наверняка какой-нибудь художник пришел бы от него в неописуемый восторг. Но Салазар в жизни не брал в руки краски и кисти и, честно говоря, не собирался и начинать. Его этот свет раздражал и даже пугал. В какой-то момент ему стало казаться, будто он очутился глубоко под водой и того и гляди из-за ближайшего дерева выплывет косяк серебристых рыбок.

Даже время здесь подчинялось своим законам. Секунды и минуты то растягивались, то сжимались без какой-либо логики и смысла. Порой Салазару казалось, что прошло не меньше получаса, но стоило тайком взглянуть на часы, и выяснялось, что миновало всего десять минут. Или же наоборот – пять минут по ощущениям на деле превращались в пятнадцать или двадцать. Без толку пытаться считать шаги или искать иные ориентиры, все равно он постоянно сбивался. Салазар чувствовал себя потерянным и одиноким. И он вполне допускал, что когда они выберутся из этого леса – если, конечно, выберутся, – то окажется, что снаружи прошло десять, а то и целых сто лет. Как в тех сказочных историях, которые он читал в детстве, о пленниках Волшебной Страны… Салазар терпеть не мог сказки.

Они шли молча, никто не переговаривался даже шепотом. Время от времени татуированный останавливался, оглядывался, а затем указывал в ту или иную сторону, и они сворачивали. Доктор давно утратил чувство направления и при всем желании не смог бы сказать, где находится станция. Ориентироваться же по солнцу и прочим приметам Салазар не умел. Он нипочем не выберется из этого леса в одиночку. Поэтому Салазар старался не отставать, пусть даже сильно устал и спотыкался о каждый второй корень, торчащий из земли. А это было непросто. Нельзя сказать, будто егеря спешили, но и скорости не сбавляли и ни разу не остановились, чтобы сделать привал.

Салазар заметил, что с самого начала похода Григер даже не попытался закурить. Не иначе как опасался, что запах дыма их выдаст. И, возможно, этим желанием сохранить их передвижения в тайне и объяснялась та враждебность, с которой егеря косились на него самого. От него одного шума было больше, чем от всего отряда. Именно он наступал на все сухие ветки, именно он ломился сквозь гибкий папоротник с треском, как через валежник… Салазар не стыдился этого, но все равно чувствовал себя не в своей тарелке.

Татуированный вдруг остановился и поднял руку над головой. Все тут же замерли, будто бы их сковали чары неведомой лесной феи.

– Они знают про нас, – наконец сказал егерь, принюхиваясь. – Знают, что мы у них на хвосте. И водят кругами.

– Я вижу, – кивнул Григер. – Думают, что умнее нас, да?

Егерь пожал плечом.

– Вполне возможно, капитан. Но они держат дистанцию, и не похоже, чтобы особо устали. Это может тянуться очень долго.

– А если двинуться навстречу? – предложил начальник станции. – Или разделиться и взять их в клещи?

– Может, и сработает, но… – с сомнением протянул татуированный. – А если это уловка? Они намеренно водят нас по кругу, чтобы мы поверили и повернули, а сами именно тогда и соскочат. Мы потеряем еще больше времени, а у них появится шанс улизнуть.

– Не слишком ли сложно? – нахмурился Григер.

Татуированный снова дернул плечом.

– Я бы именно так и поступил.

– Ясно. – Григер потянул себя за ус. – А если организовать засаду и попробовать их загнать?

– Мысль, конечно, – без энтузиазма сказал егерь. – Но чем сильнее мы разделимся, тем выше у них шанс проскочить. Больше бы людей…

– Понимаю, – скривился Григер. – Я запросил подкрепление, но когда они до нас доберутся?

– Выходит, у нас нет выбора, – развел руками татуированный.

Григер промолчал. Он смотрел на лес, прикрыв глаза ладонью. По лицу скользнула тень.

– Ты слышал историю про Пропащий Батальон? – неожиданно спросил он.

– Э… – растерялся татуированный. – Это какая-то легенда вроде? Ну, может, краем уха. Я не особо интересуюсь такими штуками.

– Легенда… – вздохнул начальник станции. – В конце концов все превращается в легенду. Давно это случилось, лет двести назад. Тогда еще война была. Так вот, из местных собрали пехотный батальон и отправили маршем к местам грядущей славы. Кто-то говорит, что напрямик через лес, но это глупость, конечно. Вышли они по обычной дороге, той, где сейчас шоссе. Но никуда они не дошли, пропали. Сотни людей видели, как батальон вошел в лес – знамена, барабаны, все как тогда полагалось. А вот того, чтобы хоть кто-то вышел из леса, – этого не видел никто. Их искали, ясное дело, и не один год. Но никаких следов, будто растворились. Ушли в туман и не вернулись.

– Честно? – Татуированный поскреб щетину на подбородке. – Я вообще не удивлен. Что там батальон, в этом лесу запросто можно потерять пару армий. Даже сейчас, а уж двести лет назад!

– Вот именно, – сказал Григер. – Это я к тому, что этому лесу нельзя доверять. Рассчитывать мы можем только на себя. И останавливаться не имеем права. Упустим этих тварей сейчас, не найдем уже никогда.

– Ясное дело, капитан. – Егерь, казалось, даже обиделся.

– В общем, все поняли. – Григер выпрямился. – Тогда хватит время терять.

И они пошли дальше, по неприметным лесным тропам и по невидимым следам. Салазару стало казаться, что он угодил в бесконечный сон, из которого не может быть пробуждения. Что теперь до скончания времен он будет блуждать по этому лесу без надежды отсюда выбраться. Может быть, если повезет, они встретят на своем пути легендарный Пропащий Батальон, о котором рассказывал Григер, но

как встретят, так и разойдутся, не обменявшись и парой слов.

Ровный ритм шагов, мельтешение корней и опавшей листвы под ногами – все это медленно, но верно погружало его в некое подобие транса. Доктор спал на ходу, пусть и с широко раскрытыми глазами. Мысли его поплыли, он ни на чем не мог сосредоточиться.

Справа громко затрещала какая-то птица. Салазар вздрогнул, оборачиваясь на звук. И в тот же момент его нога по щиколотку провалилась в незаметную нору. Лисы или кролика, черт его разберет. Доктор вскрикнул и тут же застонал. От резкой боли аж в глазах помутилось. Будто кто-то схватил его за ногу и повернул ступню вокруг оси с явным намерением ее оторвать. Не удержавшись, Салазар упал вперед, и тут же ногу, точно раскаленный добела гвоздь, пронзила еще одна вспышка боли.

– Что случилось?! – услышал он голос Григера и только тогда поднял взгляд.

Все егеря смотрели на Салазара, и в их глазах он не заметил ни удивления, ни сочувствия. Лишь раздражение, досаду и мрачное злорадство. Как будто все они с самого начала знали, что этим и закончится. Может, даже заключали пари, когда этот докторишка сядет в лужу.

– Я… – Салазар сглотнул. – Кажется, я подвернул ногу…

В лодыжку будто вонзили кривой тупой нож и теперь проворачивали его по кругу. Салазар попытался освободиться, но с первого раза не получилось. Нора держала крепко и отпускать не собиралась.

– Черт возьми, доктор! – выругался Григер. – Неужели так сложно смотреть под ноги?

– Я… – Салазар не нашелся что сказать и хныкнул совсем по-детски.

– Кто-нибудь, – не выдержал Григер, – помогите ему!

К доктору подскочили двое егерей: быстро и умело освободили из ловушки и, поддерживая под руки, усадили под ближайшим деревом. Кто-то сунул под нос

флягу с водой, но Салазар замотал головой – пить совсем не хотелось.

Начальник станции опустился перед ним на корточки.

– Больно?

– Терпимо, – ответил Салазар и поморщился. Ногу будто сдавили в тисках и продолжали давить, дробя кости. Доктор держался изо всех сил, но по щекам все равно потекли слезы. Не от боли, от обиды.

Григер поджал губы.

– Плохо дело. Может, и перелом… Вы же доктор!

– В другой области, – напомнил Салазар и снова скривился.

– Ясно с вами. – Григер выпрямился. – С такой ногой вы не ходок. Придется возвращать вас на станцию. Очень вовремя, конечно. Знал же, что не нужно вас брать.

– Я не… – начал оправдываться доктор и тут же прикусил язык. Он чувствовал себя виноватым, будто подвернул ногу по собственному желанию, хотя отлично понимал, что это несчастный случай.

– Черт с вами! – Григер оглядел своих людей. – Ханс, – обратился он к плотному мужчине средних лет. – Останешься с доктором.

– Я? А че я-то? – попытался возмутиться егерь, но под взглядом начальника станции сник.

– Потому что у тебя руки не из жопы растут, – сказал Григер. – Сооруди какой-нибудь костыль, и возвращайтесь на базу. Пусть Ло им займется.

– Понял, капитан, – вздохнул Ханс, и судя по взгляду, которым он наградил Салазара, перспектива возиться с «увечным» его совсем не обрадовала.

– Тогда до встречи на станции. – Григер поправил карабин. – Не волнуйтесь, господин доктор, наша Ло быстро поставит вас на ноги.

Он пошутил, но даже не улыбнулся.

Правила охоты

– На охоте нет правил, моя дорогая, – сказал Урдак. – Никаких. Здесь либо ты, либо тебя.

Он почесал костлявый подбородок. Девочка смотрела на него бездонными черными глазами. Смотрела очень внимательно, не отрываясь, но при всем желании Урдак не смог бы сказать, понимает ли она хоть слово из того, что он говорит. Она все еще держалась от него на расстоянии. Не доверяла, и правильно делала.

– На охоте, – говорил Урдак, – мистер Гош не даст соврать, с добычей останется не тот, кто сильнее, не тот, кто быстрее, и не тот, у кого крепкие зубы и острые когти. И даже не тот, кто умнее. Нет, мое дорогое сокровище, все не так. На охоте выигрывает тот, кто лучше всех умеет ждать…

Урдак принюхался к ветру. Преследователи уже близко, ближе, чем он думал, но дальше, чем думали они сами. Это не пугало, вовсе нет. Скорее бодрило, как морозный зимний воздух. От осознания, что опасность рядом, кровь быстрее бежала по жилам. Давненько он не играл в эту игру по-настоящему.

– Главное на охоте, моя драгоценная, – сказал Урдак, – никогда не забывать, кто здесь охотник, а кто добыча, правильно я говорю, мистер Гош?

Девочка согнулась, и спутанные волосы скрыли ее лицо. Но Урдак знал, что из-за этой темной завесы она внимательно следит за каждым его движением, ловит каждое его слово. Это льстило его самолюбию. До сих пор только мистер Гош мог по достоинству оценить его таланты. Но сейчас мистер Гош надулся и молчал, не иначе как приревновал его к девчонке. Ничего, они еще успеют подружиться.

– Вот так-то, сокровище мое. Будешь об этом помнить, и у тебя всегда будет чем наполнить свой живот. На охоте нельзя спешить. На охоте самое главное – выбрать подходящий момент.

Под деревом

Боль в ноге отступила. Совсем не прошла, но на смену горячей и резкой пришла ноющая и тупая. По крайней мере, до тех пор, пока он не двигался.

Доктор Салазар сидел, прислонившись спиной к ребристому стволу дерева, и думал о том, как же его угораздило попасть в такой переплет. Всего пару дней назад он и представить не мог, что застрянет посреди леса со сломанной, очевидно, ногой. Настолько далеко от мира, в котором он жил раньше, что это просто не укладывалось в голове.

Салазар устроился на моховой кочке, и снизу постепенно просачивалась вода. Штаны совсем промокли, пожалуй, это досаждало ничуть не меньше, чем боль в ноге. А ведь была еще и всякая живность, решившая, что другого шанса познакомиться с доктором поближе может и не представиться. Комары, мошки, мухи вились над головой, лезли в глаза и рот. Прямо по штанине парочка рыжих муравьев тащила куда-то извивающуюся зеленую гусеницу… Да что же это за место такое, где все думают лишь о том, как бы сожрать друг друга?!

Из-за деревьев доносился мерный стук топора – где-то там егерь Ханс мастерил для Салазара костыль. Доктор его не видел, но этот звук его успокаивал. Хоть какое-то свидетельство, что он здесь не один и что Григер с остальными вовсе не бросили его на съедение диким зверям.

Доктор поежился. Когда он наконец выберется из этого леса… Если он выберется из этого леса, то сделает все возможное, чтобы в его жизни больше не осталось зеленых насаждений. Никаких лесов, никаких садов и парков, никаких газонов и лужаек, он даже от комнатных цветов избавится, чтоб им пусто было. Теперь в его мире не будет ничего, кроме стекла, бетона и асфальта, и это будет идеальный мир.

На ветку над головой опустилась незнакомая птица – черная, с красными крыльями – и принялась разглядывать доктора с нахальным любопытством.

– Кыш. – Салазар вяло взмахнул рукой. – Кыш, пошла прочь…

Однако птица и не подумала улетать: перескочила на соседнюю ветку и издала долгую звонкую трель. Странно знакомую, но доктор не сразу сообразил, где ее слышал. Когда же сообразил… Да чтоб его! Это же та самая песня, которую пела жуткая девочка в сарае, но спетая в три-четыре раза быстрее. Едва Салазар это понял, ему стало не по себе. Словно что-то холодное и липкое проползло вдоль позвоночника – какой-нибудь мерзкий слизняк или даже многоножка. Салазар заерзал на месте, проклиная самыми грязными словами всех зверей, которые роют норы, и всех птиц, которые поют песни. Если бы он мог подняться… Доктор нашарил во мху крошечную сосновую шишку и попытался кинуть в нахальную птицу. Но, разумеется, не добросил. Птица и не заметила.

– Ханс! – позвал Салазар. – Ханс, можно вас на…

Он замолчал: голос прозвучал очень тихо. Как если бы доктор кричал, зажав рот ладонью. И что-то изменилось. Словно бы воздух, безо всякой на то причины, сгустился и стал вязким и плотным. Лес тревожно зашумел.

– Ханс?

Стук топора прекратился, однако доктор не смог вспомнить, когда же это случилось. Только что? Или некоторое время назад? Неужели егерь закончил работу? Салазар приподнялся, опираясь на руки, высматривая Ханса за деревьями и подлеском. Ничего – ни движения, ни тени, ни силуэта, мелькнувшего сквозь сплетение ветвей. Куда же он подевался? У доктора перехватило дыхание. Нет, нет… Не может быть, чтобы егерь бросил его в этом лесу! Как бы Ханс ни относился к Салазару, так бы он не поступил. Наверное, он отлучился по нужде, такое вот простое и понятное объяснение…

Из кустов послышалась возня, а следом – короткий сдавленный хрип. И тут же все стихло.

– Ханс? У вас все в порядке?

Нет ответа. Доктор крепко зажмурился. Все, что здесь происходит, сказал он себе, это сон. Дурной ночной кошмар. Сейчас он откроет глаза, и окажется, что он все еще на станции, а на соседней кровати храпит Ласло. Это алкоголь и кислород, они…

Салазар открыл глаза. Он не проснулся. Он сидел под дурацким деревом посреди дурацкого леса, искусанный комарами, у него болела нога. И лишь одно изменилось – он уже не один. Из-за деревьев пружинистой походкой вышел некто, и это был не человек.

У него было две руки и две ноги, и голова на плечах. Он носил вполне человеческую одежду, у него даже оказалась шляпа – побитый старомодный цилиндр, украшенный драными перьями. И все же это был не человек. Он носил это обличие так же, как носят карнавальный костюм, и даже не особо старался: все в его облике казалось неправильным, изломанным, несло какой-то изъян. Слишком костлявое лицо, слишком глубоко посаженные глаза, слишком выпирающий подбородок и сплошь и рядом – искаженные пропорции. Каждый сустав располагался немного не там, где полагалось, и сгибался немного не так, как у обычных людей. Его наряд казался насмешкой над самой идеей одежды – так могло вырядиться разве что лишенное вкуса огородное пугало.

Доктор сразу понял, что именно это существо он видел ночью на станции. В погоню за ним они и вышли в поход… Но теперь роли поменялись. Теперь уже не Салазар был охотником.

Доктор не стал кричать, не стал звать на помощь. Он уже знал, что егерь Ханс не сможет его спасти, а Григер и остальные ушли слишком далеко и не успеют вернуться, как бы громко он ни вопил. И какой тогда смысл?

– Кто вы? – прохрипел Салазар, прижимаясь спиной к дереву.

Был еще один очевидный вопрос: «Что вам нужно?» Но ответ на него доктор прочитал в глазах этого существа: голод. Жуткий, неутолимый голод.

Существо остановилось шагах в десяти и уставилось на Салазара, сильно вывернув шею. Как будто хотело взглянуть на него вверх ногами. Длинный нос зашевелился, губы изогнулись, открыв кривые желтые зубы. Не то хищный оскал, не то нелепейшая попытка изобразить улыбку.

– Кто я? – переспросило существо, будто вопрос оскорбил его до глубины души. Если, конечно, у него имелась душа, в чем Салазар сомневался. – Так кто же я? Может, вы мне подскажете, мистер Гош?

Он выхватил из кармана грязный комок меха, в котором доктор с трудом опознал плюшевую игрушку. Выглядела она так, будто ее долго рвали зубами, потом топили и пытались сжечь и только после всего этого вручили жуткому существу. Лапы и голова игрушки болтались на ошметках ниток, из многочисленных дыр комьями вываливалась набивка.

– Что скажете, мистер Гош? – Существо прижало игрушку к самому уху и закатило глаза. И оно нисколько не притворялось, будто слушает, что говорит ему «мистер Гош», оно действительно его слушало.

– Да, да, конечно. В самом деле…

Существо выпрямилось, и его желтозубая улыбка стала заметно шире. Не иначе как для того, чтобы доктор увидел, что зубов у него сильно больше, чем полагается человеку.

– Позвольте представиться, – сказало оно, прижимая руку к груди и сгибаясь в издевательском поклоне. – Мое имя – Урдак, и я последний настоящий джентльмен…

– Кто? Джентльмен? Что это значит?

Урдак аж надулся от гордости.

– То, что у меня есть шляпа. Раньше она была у другого настоящего джентльмена, теперь она моя. Значит, я последний настоящий джентльмен…

– Не понимаю, – проговорил Салазар.

Урдак выпятил нижнюю губу.

– Какой же ты глупый! – сказал он с обидой. – Вот так всегда… Никто меня не понимает, мистер Гош, только вы да наше сокровище. Жизнь жестока и несправедлива, не так ли?

Взявшись двумя руками за челюсть, он потянул ее вперед, и доктор мог бы поклясться, что в ответ на этот жест зубы во рту существа задвигались. Разве такое возможно?

Салазар еще сильнее прижался спиной к дереву. Он знал, что не сможет себя защитить. У него нет оружия – ни ружья, ни ножа. Одна шариковая ручка в кармане, но какая от нее польза? Разве что оставить Урдаку автограф на память.

– Какой ты жалкий и глупый, – вздохнул Урдак, делая шаг навстречу Салазару. – Но это не важно, правда, мистер Гош?

Это же ты?

Она почти опоздала. Ива выскочила из леса за мгновение до того, как настоящий джентльмен набросился на свою жертву.

Зазвенела тетива, стрела со свистом разрезала воздух. И если бы не острейший слух Урдака, если бы не его невероятная ловкость, эта стрела точно бы пронзила его тощую шею. Покончила бы с ним раз и навсегда.

Но он ее услышал, успел пригнуться, и стрела сбила цилиндр с его головы. Громко заклекотав, Урдак перекатился через плечо в сторону от человека под деревом. Тут же вскочил на ноги. Не мешкая, Ива пустила вторую стрелу, но и на этот раз Урдак увернулся. Изогнулся так, будто в его теле совсем не было костей. Узкое лицо перекосила злобная гримаса, словно у него одновременно заболели все зубы.

– Это ты… – прошипел Урдак, припадая к земле.

Ива не сказала ничего. На тетиву легла третья стрела, но она не спешила. Теперь, когда ее заметили, подстрелить тварь будет не просто. Ива не

собиралась тратить стрелы впустую.

– Давненько не виделись? – зашипел Урдак. Он медленно двинулся в сторону, кончиками пальцев опираясь о землю. Узкие глаза неотрывно следили за Ивой, не упуская малейшего движения. – Ты успела подрасти, дочь ведьмы…

Иве было что сказать этой твари, но она хранила молчание. Она пришла сюда за тем, чтобы ее убить, а не ради разговоров.

– И как поживает Госпожа? – Речь Урдака звучала все тише. – Передавай ей мой нижайший поклон…

В тот же момент он прыгнул вперед. Не на Иву и не на мужчину под деревом, а за шляпой. Подхватив сбитый цилиндр, Урдак двумя руками прижал его к груди и осклабился. Вот сейчас…

Послышался треск, и из кустов выскочила Угольная Девочка собственной персоной. Вот уж кого Ива меньше всего ожидала здесь увидеть. Любого из них по отдельности – да, но не вместе.

И лицо, и грудь, и руки Угольной Девочки блестели от свежей крови. Выходит, она все-таки опоздала…

Ива крепко стиснула зубы. Все как учил ее Охотник: расслабиться, держать дыхание, почувствовать ветер… Но теперь их двое, Ива же понимала, что успеет выстрелить лишь один раз. Придется выбирать. И какой бы выбор она ни сделала, не факт, что она попадет в цель. Ловкость, с которой настоящий джентльмен увернулся от первых стрел, пугала, и не исключено, что и Угольная Девочка способна на такие же трюки. Связываться с ними – это не то же самое, что охотиться на кроликов и уток. Успеет ли она выхватить кортик, прежде чем острые зубы вонзятся ей в шею? И чьи это будут зубы… Именно такой выбор стоял перед ней на самом деле.

Если бы Ива была одна, она бы не думала. Она бы выстрелила, и будь что будет. Но под деревом сидел человек, испуганный и беззащитный, и Ива прекрасно понимала, что ее промах обречет его на смерть. Самую жуткую, какую можно вообразить. Ива помнила, что настоящий джентльмен сделал с маленькой Авророй. И не важно, кем был этот мужчина, она не имела права обрекать его на

подобную участь.

– Косточки… – заскулила Угольная Девочка. – Мягкие косточки… Сла-адкие…

Урдак попятился в ее сторону.

– Боюсь, я должен раскланяться, – процедил он. – Какая жалость, что мы не успели поболтать подольше! Но у нас еще будет такая возможность, не так ли?

Ива молчала, но Урдак и не ждал ответа.

– До новой встречи, дитя воронов.

Он нахлобучил шляпу, едва заметно поклонился и метнулся в заросли орешника. Угольная Девочка последовала за ним. В одно мгновение две фигуры, одна повыше, другая пониже, растворились в лесу. И даже ветви не шелохнулись.

Ива опустила лук, и стрела выпала из ослабевших пальцев. На нее навалилась такая усталость, что она пошатнулась. И это все? Все кончилось? Таким вот нелепым образом?

Ива поежилась, как от холода, и до боли прикусила щеку. Нет, ничего еще не кончилось. Но сейчас она не могла об этом думать. Она повернулась к мужчине под деревом, который таращился на нее во все глаза.

– Они ушли, – сказала Ива, не представляя, что еще тут можно сказать. – И не вернутся. Тебе повезло.

Мужчина сглотнул воздух. У него было круглое добродушное лицо и черные с проседью волосы, под глазами темнели мешки. Выглядел он жалко, хотя и изо всех сил старался держаться. И глядя на него, Ива видела, что это хороший человек… Хороший человек, ступивший на очень скользкую дорожку.

– Это ты? – хрипло сказал мужчина.

Ива пожала плечами. Она не собиралась с ним разговаривать: все, чего ей хотелось, – это оказаться Дома рядом с Матушкой, рядом с Розой и остальными.

Кажется, на кухне еще осталось немного утиного супа.

– Это ты? – повторил мужчина. – Ты вернулась? Столько лет прошло, но ты вернулась, чтобы спасти меня?

Ива очень внимательно посмотрела на незнакомца. Что-то странное мелькнуло в глубине его глаз, но она не поняла, что именно. Страх? Или надежда?

– Вернулась? – переспросила она.

Мужчина протянул к ней руку и тут же уронил ее.

– Мария? – тихо проговорил он. – Это ты? Они говорили, что ты погибла. Разбилась в автокатастрофе… Они говорили… Но ты смогла вернуться. Моя маленькая глупая сестренка, ты совсем не изменилась…

Ива покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Ты ошибся. Меня зовут иначе, и мы никогда не встречались.

– Неужели ты не узнаешь меня, Мария? Это же я, Хайме! Ну да, постарел немного, обрюзг, растолстел… Но это же я!

– Прости. Я не та, за кого ты меня принял.

– Зачем ты… – Мужчина задрожал. – Я же сохранил все твои снимки. Вот, сейчас…

Он захлопал себя по штанам и в итоге вытащил из кармана бумажник в кожаном переплете.

– Вот смотри, это фото с того дня, когда мы ходили в парк развлечений на день рождения. Помнишь? Ты перепила газировки, и она пошла у тебя носом… Помнишь? Сколько нам тогда исполнилось? Шестнадцать, да?

Он затряс перед собой клочком бумаги – старой фотографией, как догадалась Ива, вроде тех, что хранились в комнате у профессора Сикорского. Но какое это имело отношение к ней? Никто и никогда ее не фотографировал, она не знала, что такое «парк развлечений», да и шестнадцать ей не исполнилось.

– Вот, посмотри. Это же ты, да? – прохрипел мужчина, продолжая трясти фотографией.

Ива вскинула голову и прислушалась. Голоса… Далекие, но они приближались.

– Сюда идут люди, – сказала она. – Скоро они будут здесь, они тебе помогут. А я должна уйти.

Ива попятилась, отступая маленькими шагами.

– Постой. Погоди, Мария…

Она замерла.

– Нет. Меня зовут Ива. И у меня нет другого имени.

В тот же миг она сорвалась с места и со всех ног бросилась прочь от этого мужчины. Она бежала так быстро и так долго, как только могла, забралась в самую чащу Большого Леса, туда, где всегда сумерки и ночь, а деревья задевают макушками звезды. Но убежать она так и не смогла. Куда бы ни несли ее быстрые ноги, в голове продолжало звучать: Мария, Мария, Ма…

Глава 2

Плач леса

Костер догорел. Взмахнул на прощание рыжим лоскутом пламени и погас. Остались угли, темно-алые, тускнеющие на глазах. Охотник поворошил их кривой веткой, но без цели пробудить угасший огонь – уже перевалило за полночь, и ему самому, и его крестнице пора отправляться спать. Пора… Но они продолжали сидеть у погасшего костра.

Они не разговаривали, лишь смотрели на остывающие угли, думая каждый о своем. Охотник даже немного жалел о том времени, когда крестница ежесекундно изводила его вопросами. Трещала ведь как сорока… А что это за дерево? А чьи это следы? А кто это кричит? А где, а почему, а когда… Но девочка стала старше, и вопросов стало меньше. Да и сами вопросы стали сложнее, не на каждый из них он мог ответить. Вот и сейчас… Охотник чувствовал, что один из таких вопросов повис между ними, и ждал, когда же Ива заговорит. Ждал и немного боялся. Она уже задавала ему этот вопрос, и не единожды, и знала все его ответы.

– Почему ты хочешь его убить? – спросила Ива.

Она вскинула голову и посмотрела на Охотника внимательными черными глазами. Лицо, загорелое при дневном свете, сейчас казалось бледным, как у утопленника.

Охотник едва заметно вздрогнул.

– Кого, вороненок?

– Первозверя.

Охотник глубоко вздохнул. Молчал он долго, гадая, какой же ответ устроит крестницу на этот раз. Все они не годились.

– Потому что так должно быть, – наконец сказал он. – Таков порядок вещей. Он – Зверь, а я – Охотник, и в конце остаться может только один.

– В этом лесу, – сказала Ива, – хватает и других, тех, кто действительно заслуживает смерти.

– Я знаю, – кивнул Охотник. – Но они – не моя добыча. Может быть, твоя, вороненок?

Он вытащил кисет и трубку и принялся набивать ее, уминая табак ногтем большого пальца. Он вовсе не хотел курить, но само действие его успокаивало и помогало собраться с мыслями. Ива поморщилась.

– Я его помню, – сказала она, глядя мимо Охотника в темноту леса.

– Конечно. Его невозможно забыть. А помнишь как…

– Он сказал мне «прости», – проговорила Ива. – Как будто он знал что-то такое…

Она не договорила, а лишь махнула рукой, мол, тебе не понять. Охотник понурился. Сколько раз он говорил ей, что Первозверь не умеет разговаривать? Что он дикий зверь, и не более того? Она не послушала его тогда, не послушает и сейчас. Особенно сейчас – девчонка вошла в тот возраст, когда не верят ни единому слову старших. Да и не девчонка она уже… А ведь еще вчера он баюкал на руках младенца, который смеялся и хватал его за бороду. Еще вчера он учил ее держать лук и натягивать тетиву. И когда все переменилось? Охотник тяжело вздохнул. Как же быстро бежит время и как же он стар.

– Почему он убил твою жену? – неожиданно спросила Ива.

Охотник на секунду прекратил уминать табак.

– Это случилось слишком давно, – сказал он. – Я не помню… Просто так вышло. Он – Зверь, а она оказалась у него на пути.

– Неправда. – Ива поджала губы. – Все ты помнишь.

Охотник не стал отвечать. Ему был неприятен этот разговор, он будил воспоминания, к которым ему не хотелось возвращаться, бередил раны, которые еще не затянулись и не затянутся никогда.

– Это в самом деле сделал он? – продолжила Ива. – Ты видел, как это случилось? Собственными глазами?

Охотник заскрежетал зубами.

– Я видел, – сказал он с неожиданной злостью. – Я видел его над ее телом, и его морда была в ее крови. Он ел ее плоть – этого тебе достаточно?

Ива выпрямилась и посмотрела на него обиженно и удивленно. Крестный редко повышал на нее голос.

– Но… Разве это не мог быть кто-то другой? А он нашел…

– Не мог, – грубо перебил ее Охотник. – Не мог, потому что никто другой с ней бы не справился. И хватит об этом.

У Ивы было такое выражение лица, будто она вот-вот расплачется. Но она сдержалась, лишь едва заметно шмыгнула носом. Не говоря ни слова, охотник выхватил из костра уголек и даже не поморщился от боли. Кинув уголек в чашечку, он сердито запыхтел трубкой и пыхтел до тех пор, пока клубы дыма не спрятали его лицо.

Почти час после этого они не разговаривали. Никто не отправился спать, хотя луна успела подняться высоко над деревьями. Охотник давно докурил, но трубку изо рта не вытащил, продолжая в задумчивости посасывать мундштук; Ива сидела, обхватив себя руками за плечи, пряча озябшие ладони под разноцветным пончо. Хотя стояла середина лета и небо было чистым, ночь все же выдалась прохладной.

– Ты слышишь? – неожиданно спросил Охотник.

Ива вскинула голову, прислушиваясь. Она услышала многое: шум ветра и журчание реки, шорох полевки в палой листве и далекий крик козодоя.

– Что именно?

– Плач, – сказал Охотник. – Деревья плачут.

– В самом деле? – Ива нахмурилась. – Где?

Она не удивилась словам крестного, как бы странно они ни звучали. В Большом Лесу случались и не такие чудеса.

– Там. – Охотник указал направление мундштуком. А минуту спустя, кряхтя, поднялся на ноги. – Надо проверить, что там случилось…

– Сейчас? Среди ночи? – спросила Ива, однако и сама встала, потягиваясь и разминая мышцы.

Охотник пожал плечами.

– Утром может быть поздно. И потом…

Он замолчал, устремив взгляд в темноту. Затем поднял ружье и положил на плечо.

– Деревья плачут, – сказала Ива. – Плачет лес… Он ведь тоже придет на этот зов, так?

– Может быть, – сказал Охотник, не глядя на крестницу. – Все может быть.

Не оборачиваясь, он зашагал в лесную чащу. Ива могла бы остаться у костра, ей не впервой ночевать в лесу одной, но все же, чуть помедлив, она двинулась следом. Она слушала, но так и не услышала, как плачут деревья.

Далекие огни

Они шли долго. Луна проплыла над головой и скрылась за деревьями, но звезды не спешили тускнеть, а, наоборот, делались ярче. В темноте между огромными стволами бесшумной тенью скользнула сова.

Охотник спешил. Он шагал быстро, не помышляя о привале, и ни разу не обернулся, чтобы проверить, поспевает ли за ним крестница. Конечно, в этом не было нужды – он отлично слышал и шаги Ивы, и звук ее дыхания, но это было

обидно. Как будто он и в самом деле не хотел ее видеть.

По лесу Охотник передвигался без единого звука, и даже темнота ночи не стала ему помехой. Ни единая веточка не хрустнула под ногой, не шуршала палая листва, не хлюпали моховые кочки. Словно он шел, не касаясь земли. Честно говоря, Ива ему завидовала – она так не умела. Вроде бы она и научилась ступать мягко, как дикая кошка, но в сравнении с Охотником она ломилась через лес, точно одуревший по осени кабан, ломая и круша все на своем пути.

Какой-то крупный зверь шумно заворочался в кустах, хрипло заворчал. Ива тут же потянулась к ножу, однако Охотник не выказал никакого беспокойства, и она расслабилась. Будь это кто-то действительно опасный, крестный бы это сразу понял, а так… Может, это задремавший лось или косуля. Как бы Ива ни сердилась на Охотника за его упрямство, все же хорошо, что в лесу они вместе. С ним она чувствовала себя в безопасности.

Лес понемногу редел, они подбирались к опушке. Охотник пошел медленнее, теперь он не просто шагал напрямик, а ступал осторожно, будто подкрадывался к добыче. Ива последовала его примеру, но в какой-то момент чуть не упала, запнувшись о невидимую в темноте кротовину. Крестный тут же обернулся и прижал палец к губам. Ива замерла, не смея даже вдохнуть, но, наверное, на весь лес было видно, как запылали ее уши.

Охотник сделал еще пару шагов и остановился.

– Чуешь? – прошептал он, и голос прозвучал взволнованно и мрачно.

Ива принюхалась.

– Фу! Чем это воняет?

Она вовсе не была брезгливой. В лесу хватало всяких запахов, и не все из них можно назвать приятными: запахи застоявшейся болотной тины и звериного помета, дохлой рыбы, мускусных меток на деревьях и трухлявых грибов. Но все это правильные запахи, настоящие, рожденные самой природой. А то, что она почуяла сейчас…

Запах звучал слабо, очевидно, его источник находился довольно далеко, но и этого оказалось достаточно, чтобы Иве сделалось дурно. В нос ударила резкая химическая вонь, в которой смешались гарь и копоть, запах гниющих овощей и паленой резины, запахи щелока и керосина и много чего еще. Что-то подобное она чуяла лишь тогда, когда побывала на окраине города, на мертвой, отравленной земле.

– Там, – сказал Охотник. – Там плачут деревья.

Ива прищурилась. Вдалеке ей почудились рыжие сполохи.

– Там что-то горит, – сказала она.

– Да. И горит уже давно. Несколько дней, больше недели.

Он нахмурился и потянул себя за бороду. Ива смотрела на него с возрастающим беспокойством.

– Это похоже… – Охотник надолго задумался. Ива стояла рядом, неслышно и неподвижно, и терпеливо ждала, когда же к нему вернутся слова. Сполохи вдали делались то тусклее, то ярче, то совсем исчезали, то вновь разгорались.

– Это похоже на погребальный костер, – наконец сказал Охотник. – Множество погребальных костров. Этот запах – запах смерти. Дурной смерти.

– Мы пойдем туда? – спросила Ива.

К ее удивлению, крестный пожал плечами. Ива привыкла к тому, что Охотник старше, мудрее и уж точно – опытнее ее. Но сейчас крестный не знал, что делать. Это сбивало с толку.

– Не знаю, вороненок, – сказал он. – Не думаю, что это хорошая идея. Но… Наверное, нам стоит пойти туда, пока оно само не пришло к нам.

Очень осторожно, уже без всякой спешки, они двинулись навстречу таинственным огням. Лес потихоньку редел, деревья здесь были тощими и жалкими, среди них оказалось много сухостоя. Зато лопухи и чертополох

вымахали до невероятных размеров, а некоторые – даже выше Охотника. Ива в жизни таких не видела и на всякий случай держалась подальше. С каждым шагом жуткая вонь становилась сильнее. Ива, как могла, старалась ее не замечать, пыталась отключиться от запахов. Но вонь все равно просачивалась, липла к одежде и к телу, добиралась чуть ли не до костей. Чтобы отмыться от нее, придется неделю скрести себя жесткой щеткой, и то не факт, что поможет.

Так они вышли к мелкому ручью. Даже в темноте Ива разглядела, что рыжая вода переливается радужными разводами, а вдоль берега налипли хлопья грязной пены. От воды несло тухлыми яйцами и чем-то еще, столь же отвратительным. Ива скорее бы умерла от жажды, чем решилась бы на глоток из этого ручья. И, в общем, это был правильный выбор: в пене у берега бултыхалась дохлая водяная крыса, трупик так раздуло, что казалось, он того и гляди лопнет.

– Я бывал здесь когда-то, – сказал Охотник, перепрыгивая через ручей. – Очень давно, за много зим до тебя. Тогда все было иначе.

Ива прыгнула за ним следом. Что-то хрустнуло под ногой – к некоторому ее удивлению, это оказалась половина фарфоровой тарелки. Откуда она здесь взялась? Оглядевшись, Ива заметила, что в стороне из земли торчит ржавая рама металлической кровати, а чуть дальше увидела выпотрошенный гнилой матрас.

– Тогда здесь росла березовая роща, – продолжил Охотник. – И в ней цвели колокольчики. Все было синим-синим, насколько хватало глаз. Белые Девы приходили сюда танцевать…

– Это все люди, – со злостью сказала Ива. – Люди из города. Они приходят в лес и все портят. С каждым летом все хуже и хуже. Они не могут остановиться.

Она в сердцах пнула раму кровати, и та с оглушительным скрипом повалилась наземь. Охотник покачал головой.

– Наверное, ты права, вороненок, – сказал он. – Лес становится меньше.

Они двинулись дальше, навстречу мигающим огням. Приходилось ступать очень осторожно, в любой момент рискуя напороться на осколок стекла или торчащую из земли острую железку. Под ногами путались обрывки полиэтилена или мотки

ржавой проволоки и множество других мертвых вещей. Ива никогда не видела столько отбросов разом, однако это был далеко не предел.

Впереди показались холмы, так сперва подумала Ива, но когда они подошли ближе, стало ясно, что это горы мусора, громоздящиеся друг на друга. У Ивы перехватило дыхание, а желудок сжался в болезненном спазме. Она и представить не могла, что мусора может быть настолько много. Куда бы она ни повернулась, она видела мусорные отвалы, а за ними другие, еще выше, может, даже выше горы рядом с Домом Матушки. Это было настолько невероятно, настолько не укладывалось в голове и настолько ужасно, что Ива отказывалась верить своим глазам. То тут, то там на склонах горели пожары – пламя столбами вырывалось из неведомых глубин, отравляя небо черным дымом. И на ум тут же пришло слово, вычитанное некогда в книгах профессора Сикорского – Преисподняя. Тогда, листая сухие страницы, Ива и подумать не могла, что когда-нибудь увидит это место воочию. Но вот она здесь, стоит на пороге.

Железные звери

Не сказав друг другу ни слова, пораженные увиденным, Ива и Охотник двинулись к мусорным горам. Через какое-то время путь преградила странная ограда – что-то вроде паутины или сети из проволоки, растянутой между вбитыми в землю столбами. Она не выглядела ни крепкой, ни надежной. Такой забор никого не удержит – ни изнутри, ни снаружи…

И все же они остановились. Охотник вполне мог повалить ограду, толкнув ее рукой, однако не стал этого делать. Вместо этого он обернулся и долго смотрел на темнеющую за спиной полоску леса. Словно всерьез задумался, не стоит ли повернуть назад. Мусорные горы нависали над ними, и Иве казалось, будто они раскачиваются и в любой момент готовы обрушиться. Горы разговаривали: они скрипели и стонали, шуршали полиэтиленом и хлюпали, трещали и свистели, и их речь была бормотанием безумца.

– Ты все еще слышишь, как плачут деревья? – спросила Ива.

Охотник задумался.

– Да. Слышу. Не деревья – дерево. Это там.

Он указал за ограду. А иначе и не могло быть, хотя Ива понятия не имела, откуда среди мусорных завалов могли взяться деревья. Там вообще не могло быть никакой жизни, разве что крысы роются в отбросах. Гигантские крысы размером с медведя – только таким чудовищам здесь нашлось бы место.

– Значит, мы пойдем туда? – спросила Ива, и ее передернуло. Мысль о том, что придется ступить на мертвую землю, что нужно будет карабкаться по склонам из отбросов, рискуя провалиться в зловонную бездну, пугала уже сама по себе.

Вместо ответа Охотник двинулся вдоль ограды, время от времени толкая столбы. Лицо его было чернее тучи. Поджав губы, Ива побрела следом. На востоке забрезжил рассвет, и с первыми лучами солнца над мусорными горами поднялась туча птиц. В основном – ворон и галок, но были другие, белые с серыми крыльями, которые никогда не залетали в Большой Лес. Птицы закатили такой концерт, что у Ивы заложило уши. Их крики, жадные и истеричные, ничуть не походили на утреннюю перекличку, которую она привыкла слышать в лесу. Даже птицы здесь жили неправильные, испорченные.

Через какое-то время впереди показалась разбитая грунтовая дорога, исполосованная следами шин, как глубокими шрамами. По дороге с ревом ехал большой оранжевый грузовик, переваливаясь с боку на бок. Открытый кузов был доверху наполнен разнообразным мусором, и всякий раз, когда грузовик сильно накренялся или же подскакивал на ухабе, что-нибудь падало под колеса.

Охотник подал знак, и они укрылись за ржавой бочкой, наполовину врытой в землю. Ива глянула на крестного – тот сжимал ружье, в любой момент готовый спустить курок. Но какой сейчас толк от его оружия? Не больше чем от ее стрел с каменными наконечниками. Она положила руку на предплечье Охотника и покачала головой. Про грузовики Ива знала из книг, а вот видел ли что-то подобное крестный, она была не в курсе. Может, для него это и не машина вовсе, а диковинный зверь? К счастью, Охотник ее понял и опустил оружие.

Грузовик остановился у ограды. Из кабины выбрался мужчина в оранжевом комбинезоне и оранжевой каске и распахнул ворота, закрытые на ржавую цепь. Ревя и пыхтя, автомобиль двинулся вперед, и когда он проезжал мимо мужчины, тот на ходу запрыгнул на подножку и забрался обратно. Ива покосилась на

крестного. Но если Охотника и удивила разыгравшаяся сценка – как человек вылезает из головы зверя, а потом туда же и возвращается, – он никак это не выказал. Машина поехала дальше и скрылась за склоном мусорного холма.

– Пойдем? – спросила Ива, кивком указав на ворота.

– Рано, – отозвался Охотник.

И в самом деле – вскоре от дороги снова послышался рев мотора и показался еще один грузовик. И так же его кузов был доверху забит мусором. Даже вонь выхлопных газов не могла перебить этот запах.

– Не понимаю, – тихо сказала Ива. – Откуда взялось столько отбросов? Их сюда что, свозят со всей земли?

– Может, и так, – пожал плечами крестный. – А может, хватило и одного города. Пойдем, пора.

Они вынырнули из укрытия и быстрым шагом направились к воротам. На одной из створок на проволочной сетке висела заляпанная грязью табличка.

– Что здесь написано? – спросил Охотник.

Ива с удивлением покосилась на крестного. Неужели он не умеет читать? На мгновение она почувствовала злорадство: все-таки есть на свете такая вещь, которую Охотник не умеет делать! Но она взяла себя в руки. В лесу нет книг, сам лес – это книга, а уж ее-то крестный умел читать как никто другой.

Она склонилась к щиту, рукавом стерла грязь и прочитала:

– Посторонним вход воспрещен. Объект находится под охраной… Глупости какие. Кто станет охранять мусор? Зачем?

– Как знать, – сказал Охотник. – Возможно, для этих людей это никакой не мусор, а самые настоящие сокровища. Вот они и копят его, как раньше копили золото.

Ива посмотрела на него с изумлением.

– Ну нет! Глупости! Какой безумец станет копить мусор? Даже сороки тащат в свои гнезда только красивые вещи.

Крестный потянул себя за бороду.

– Возможно, ты права, и эти люди и в самом деле безумцы…

Он толкнул створку ворот, и та отворилась с оглушительно-мерзким скрипом, будто ее рвали на части.

– Мне здесь не нравится, – сказала Ива. – Это… чужое место. Неправильное. Если ты понимаешь, о чем я.

– Так и есть, вороненок, – кивнул Охотник. – Но… Деревья плачут. Кто-то зовет нас.

– Нас?

– Того, кто сможет помочь, – сказал крестный.

Ива в задумчивости прикусила мизинец. Ей не хотелось идти за ограду, ее мучили дурные предчувствия.

– Ты знаешь, – сказала она, – что иногда лисы притворяются ранеными и даже мертвыми, чтобы приманить глупых ворон? Те думают, что это пожива, а в итоге сами оказываются добычей.

Разумеется, Охотник знал. Когда-то давно он сам рассказал ей об этой лисьей уловке. Но сейчас крестный лишь одернул ремень своего длинного ружья.

– Может, и так, вороненок, а может, кому-то и в самом деле нужна наша помощь. Так что… Просто будь начеку.

Не дожидаясь, что она на это скажет, он шагнул за ворота. Под ногами захрустело битое стекло.

На вершине

– Еще долго? – спросила Ива, вслед за Охотником забираясь на остов разобранного автомобиля на склоне одной из мусорных гор.

От машины сохранился ржавый корпус, но стекла были выбиты, двери сняты, а в крыше зияла дыра. Она напомнила Иве высохшую змеиную кожу, сброшенную по весне, но даже думать не хотелось о том, какая тварь выбралась из нее наружу. Когда Ива встала на провалившийся капот, машина опасно закачалась, сильно накренилась… Ива тут же напряглась, в любой момент готовая спрыгнуть в сторону, но что-то внутри мусорной кучи удержало автомобиль на месте. Тогда она перелезла на крышу.

Охотник уже перебрался выше, карабкаясь по осыпающемуся склону к вершине.

– Скоро, – сказал он. – Почти пришли.

Полиэтиленовый мешок лопнул у него под ногой, и наружу вывалились гниющие картофельные очистки. Охотник замахал руками и едва устоял на ногах.

Они уже час штурмовали мусорные горы, но за все это время так никого и не встретили. Ни людей, ни зверей, ни уж тем более деревьев. Ива вообще не верила, что здесь может что-то расти, разве что плесень. Компанию им составляли только птицы, с дикими криками кружащие над головой. Будь они в лесу, Ива бы решила, что они нашли хорошую добычу, например косулю, задранную волками. Но в этом жутком месте для ворон и прочих падальщиков все являлось поживой.

Ива осторожно перебралась с машины на склон и двинулась дальше, внимательно смотря под ноги. Выверять приходилось каждый шаг. Если не повезет поскользнуться, катиться вниз придется очень долго. К тому же, и Ива прекрасно это понимала, подобное падение могло обернуться мусорной лавиной. А она не собиралась заканчивать свои дни под грудой отбросов.

Только через четверть часа они наконец добрались до вершины. Ива остановилась, упершись руками в колени и тяжело дыша – подъем отнял у нее

последние силы. А ведь в Большом Лесу ей приходилось взбираться на куда более высокие холмы и залезать на высоченные деревья, и там она так не уставала. Лишь десять вдохов спустя она смогла выпрямиться и оглядеться.

Сверху Преисподняя все же оказалась не такой огромной. Не до самого края земли, как ей представлялось. Но и не маленькой: Ива насчитала двенадцать мусорных холмов, наползающих друг на друга. Между ними колесили оранжевые грузовики, похожие издалека на деловитых жуков, перевозя мусор с места на место. Другие машины с огромными железными бревнами вместо колес крутились на одном месте, утрамбовывая отбросы. Были и третьи – с крепившейся на кабине механической рукой, которой они рыли ямы на склонах… Несмотря на ранний час, работа в Преисподней кипела вовсю. А на дальнем ее краю Ива увидела Черный Замок.

Черный Замок… Так это место назвала Ива, хотя на настоящие замки, картинки которых она видела в книгах и развалины которых находила в лесу, это место походило мало. Вместо крепостных стен возвышалась неказистая бетонная коробка, а вместо башен – две кирпичные трубы, укутанные густым черным дымом. К Замку подъехал один из грузовиков и исчез внутри коробки.

– Нам туда? – спросила Ива и подернула плечами. В замках из сказок, которые ей рассказывала Матушка, всегда жили злодеи – людоеды, разбойники, великаны. Связываться с ними не хотелось.

Охотник замотал головой.

– Нет. Это где-то здесь. Совсем близко…

И вдруг он сорвался с места и за пару прыжков оказался рядом с белым металлическим ящиком, торчащим из мусора.

– Помоги мне, – прохрипел он, а сам принялся ногами разгребать отбросы, чтобы освободить зажатую дверцу, украшенную картинками неестественно большеглазых зверей в человеческой одежде – и кому такое могло прийти в голову? На одной из стенок красовалась глубокая вмятина от сильного удара.

Белый ящик едва держался, и чем больше они раскапывали, тем сильнее он кренился набок. В любой момент он мог скатиться вниз по склону, и для Ивы

осталось загадкой, как он вообще оказался так высоко.

В итоге Охотник не выдержал. Обхватив ящик двумя руками, он попросту выдернул его, как старый трухлявый пень. Часть мусорного склона сползла вниз, но большого оползня не случилось. Ива тут же подскочила к ящику и распахнула перекошенную дверцу. И отпрянула, когда к ее ногам выкатилось тело.

Это была маленькая и худая девушка в белых одеждах и с белыми как молоко волосами. Руки и ноги – тонкие, как веточки; узкие кисти с длинными пальцами… Ива сразу поняла, что она не человек. Черты лица вроде похожи, но все равно другие. Слишком правильные и красивые, слишком симметричные. И кожа – такая ровная и гладкая и такая белая, что Ива невольно вспомнила статуэтку пастушки из костяного фарфора, которую видела в комнате у кого-то из жильцов. При этом у девушки оказались абсолютно черные губы, чернее самых густых чернил.

Не успела Ива испугаться, что девушка мертва, как та распахнула глаза. С черных губ сорвался долгий стон, больше похожий на горестный всхлип. Охотник уже стоял рядом. Легко подхватив девушку на руки, он перенес ее в сторону от осыпающегося склона и осторожно положил на лист толстого голубого пластика – самую ровную поверхность, которая оказалась поблизости. Именно тогда Ива заметила на боку девушки расплывшееся пятно, словно кто-то плеснул грязной краской на белоснежные одежды. Глаза девушки снова закрылись.

– Ты знаешь, кто это?

Охотник кивнул.

– Одна из Белых Дев, я тебе про них рассказывал. Из тех, что танцевали в колокольчиках…

Ива поджала губы. Присев рядом с девушкой на корточки, она убрала волосы с красивого лица. Белая кожа оказалась странной на ощупь – не теплой и не холодной, очень гладкой. Ива как будто дотронулась до полированного дерева, а не до живой плоти.

Девушка вздрогнула и опять застонала. Ива отстегнула с пояса фляжку – там еще оставалось достаточно воды, которую она набрала в лесном ручье. Настоящей чистой воды, а не той ядовитой дряни, что текла через отравленный лес на краю Преисподней. Смочив водой палец, Ива провела по сухим губам, потом еще раз и еще. Охотник стоял рядом и не вмешивался, но краем глаза Ива видела, как он сжимает и разжимает кулаки, как перекатываются желваки на скулах. Наконец девушка открыла глаза – темные и полные слез.

– Кто ты? – спросила Ива, осторожно поддерживая ее голову. – У тебя есть имя?

Девушка посмотрела на нее так, будто не поняла вопроса. Ива прижала к ее губам фляжку и заставила сделать пару глотков.

– Меня зовут Ива, – представилась она. – А ты?..

Девушка вздрогнула.

– Ива? Ты тоже? Нет! Ты не из нашего племени, я вижу. Внутри тебя течет кровь, а не сок. – Голос ее шелестел, как шепот ветра в густой листве.

– Сок? – удивилась Ива. Она покосилась на темное пятно на одежде девушки. Конечно, выглядело оно точь-в-точь как спекшаяся кровь, но все же… – Ты ранена, да? Нужно осмотреть рану, погоди. Мы тебе поможем.

Девушка ничего не сказала. Взгляд поплыл, и она отключилась.

– У тебя есть мандрагора? – спросила Ива у крестного. – Я знаю, у тебя всегда есть в запасе пара листьев…

– Есть, – сказал Охотник. – Но мандрагора здесь не поможет.

Впервые в жизни Иве захотелось его ударить. Она испугалась этой внезапной мысли.

– Ты что, не видишь?! Ей нужна помощь!

– Мандрагора останавливает кровь, – сказал Охотник. – А ей нужно иное средство.

Ива беззвучно выругалась.

– Помоги снять с нее платье, – велела она, едва сдерживая злость. – Надо осмотреть рану.

На этот раз крестный не стал перечить. Он поддержал девушку, пока Ива через голову стягивала с нее платье, точнее, нечто вроде балахона из ломкой, бумажной на ощупь ткани. Другой одежды у девушки не оказалось, и когда она предстала перед ними обнаженной, Ива поняла, насколько же это существо отличается от людей. Охотник был прав, когда сказал, что мандрагора не поможет. Что ж, выглядеть и являться – это разные вещи.

У девушки была высокая грудь, но без сосков; не оказалось у нее и пупка, и никаких волос на теле. Из-под гладкой кожи не проступали очертания костей. Как если бы человеческий облик служил оболочкой, призванной скрыть нечто совершенно иное. И эта оболочка порвалась.

По правому боку девушки протянулся разрез длиной в две ладони. Не совсем рана, скорее просто дыра. И то, что открылось за ней, не имело никакого отношения к плоти – плотная на вид губчатая масса, вроде пористой внутренности древесного гриба. Кожа – если это и в самом деле была кожа, а не то, о чем подумала Ива, – сползала с нее полосками, а те закручивались в трубочки, местами уже высохшие и пожелтевшие.

Ива глянула на Охотника, но тот пожал плечами. Судя по всему, он ни капли не удивился.

– Она… – начала Ива, но не договорила.

Очень осторожно она дотронулась до губчатой массы и тут же отдернула руку. Масса мягко прогнулась, и на кончиках пальцев остались крошечные темные капли. Но это была не кровь. Сок? Ива понюхала пальцы – пахло свежей зеленью, как если бы она растерла древесный листок. На фоне царившей здесь вони этот запах прозвучал особенно ярко.

В этот момент девушка вновь очнулась. Едва она увидела склонившуюся над ней Иву, она тут же задергалась, в темных глазах отразился страх. Она попыталась встать или хотя бы отползти в сторону.

– Тихо, тихо… Мы не причиним тебе зла. – Ива удержала ее за плечи. – Не бойся. Мы хотим тебе помочь.

И девушка тут же обмякла. Через плечо Ивы она посмотрела на Охотника.

– А тебя я помню, – проговорила она. – Я видела тебя в лесу. Давно. Потом я спала.

– Давно, – согласился Охотник.

– Как тебя зовут? – снова спросила Ива, как будто это был самый важный вопрос на свете.

Девушка напряглась, но тут же снова расслабилась.

– Мое имя Куэ, это значит…

– Береза, – догадалась Ива.

– Да, – слабо кивнула девушка. – Береза.

– А где твои сестры? – неожиданно спросил Охотник. – Я помню, вас было много. Таких, как ты.

Куэ с трудом повернула голову.

– Я не знаю, – сказала она, в голосе прозвучало отчаянье. – Я спала, мы все спали. А когда я проснулась, то никого не нашла. Я звала, но никто мне не ответил.

Ива мрачно покосилась на крестного. Разве сейчас время выяснять, что случилось?

– Ты ранена, – сказала она. – Как тебе помочь?

Девушка опустила взгляд на дыру на своем боку, и черные губы дрогнули, как если бы она попыталась улыбнуться.

– Не больно. Кора затянется, придет срок. Лес даст силы, земля и вода дадут соки… Лес…

Куэ вздрогнула и завертела головой. В глазах отразился неподдельный ужас.

– Где Лес?! Здесь был Лес! Мои корни его помнят. Где мои сестры?! Я спала, а потом…

Ива заскрипела зубами. Здесь был лес – слова древесной девы резанули как бритва. Лес! Лес, в котором Белые Девы танцевали среди колокольчиков и пели птицы. Теперь же остались только мусор, отбросы, отравленная вода да вороний грай. Как можно сотворить такое?

– Мы поможем, – сказала она. – Мы отнесем тебя в лес. В настоящий лес, который еще остался. Не бойся.

– Что ты делала в этом ящике? – спросил Охотник, которого, похоже, волновали иные вопросы. – Как ты здесь оказалась?

Ива попыталась испепелить его взглядом. Сейчас главное – помочь Куэ, доставить ее в безопасное место. Но что ее взгляды Охотнику? Медвежья шкура надежно защищала его от любых взглядов.

– В ящике? – не сразу поняла Куэ и медленно моргнула. – Я пряталась. Я думала, он… Но он напал на меня, он погнался за мной и… И я спряталась.

– Кто это сделал? Человек? – Ива сжала кулаки.

Девушка вяло покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Зверь. Чудовище. Вепрь.

Мусорный вепрь

– Вепрь? – спросила Ива, несколько озадаченная таким поворотом.

Впрочем, она знала, на что способны кабаны, так что не сильно удивилась. Здоровенный секач – зверь злой и опасный, не знающий страха. Девушке повезло, что она вообще смогла унести ноги.

– Чудовище, – сказала Куэ, глядя мимо Ивы. – В его глазах горел огонь. В его пасти – железные зубы…

Ива покосилась на крестного. Было странно слышать подобные сравнения. Если бы чудовище напало на нее, она обошлась словами попроще.

– Железные зубы? – Охотник тоже обратил на это внимание.

Куэ кивнула и закрыла глаза. Охотник потянул себя за бороду.

– Плохо дело, – сказал он. – Если это то, о чем я думаю, то дело плохо…

– А о чем ты думаешь? – напряглась Ива.

– Я думаю о том, что лучше нам убираться отсюда, и как можно скорее. Я понесу ее, а ты смотри по сторонам.

– Ясно. – Ива решила, что сейчас не самое подходящее время для расспросов.

Они обернули Куэ в ее одежды, и Охотник бережно поднял девушку на руки. Медленно, медленнее, чем когда они сюда поднимались, они стали спускаться по склону. Непохоже, чтобы Охотник тяготился своей ношей, но все равно он шел осторожно, выверяя каждый шаг. С Куэ на руках ему было сложно смотреть, куда он ступает, а в этом месте это значило многое. Мусор осыпался под ногами. Ива наступила на твердый на вид брусок, а тот вдруг лопнул, залив ноги скисшим молоком. В другой раз Охотник чуть не упал, поскользнувшись на

рыбине, запаянной в полиэтилен. Потом Ива заметила зверя с фиолетовой шерстью и схватилась за нож, но оказалось, что это всего-навсего мягкая игрушка, к тому же без головы. Ива вляпалась во что-то склизкое и скользкое; Охотник провалился по колено, когда доска, на которую он наступил, обернулась раскрашенной подделкой, но все же смог выбраться без посторонней помощи…

Мимо холма проезжали грузовики, однако ни одна машина не остановилась. Ива не сомневалась, что люди в оранжевых комбинезонах давно их заметили, но, похоже, тем не было никакого дела до того, что происходит на склонах Преисподней.

В какой-то момент Ива почти поверила в то, что все обойдется. В то, что у них получится вернуться в Большой Лес и никто не попытается их остановить… И сложно было представить нечто столь же далекое от реальности. Настоящая Преисподняя никого не отпускает просто так.

Они уже добрались до подножия мусорного холма, когда противоположный склон вздыбился, будто внутри него что-то взорвалось. Мусор посыпался и полетел во все стороны, из глубины холма что-то рванулось вверх и наружу. Ива тут же вскинула руки, прикрывая голову от посыпавшихся сверху обломков, гнилых тряпок и объедков. Охотник согнулся, защищая Куэ широкой спиной, насколько это было возможно.

А не успел мусорный дождь закончиться, как раздался жуткий рев. Вопль такой силы, что еще немного, и у Ивы лопнули бы барабанные перепонки и кровь хлынула из ушей. Она упала на колени и зажала уши ладонями, но это не помогло. Ей казалось, что от этого звука все ее кости превратились в желе, а мышцы – в тряпки. Сил не хватало даже на то, чтобы стоять на ногах. А рев все нарастал, переходя в отчаянный визг. Словно кто-то очень большой и очень сильный рвал и комкал огромную железную трубу.

Краем глаза Ива увидела Охотника. Каким-то образом тот смог удержаться на ногах, но стоял сильно согнувшись, втянув голову в плечи, и изо всех сил прижимал к груди хрупкую Куэ. Его пошатывало, как если бы он встал против сильного ветра. Урагана, ломающего в щепки самые толстые и крепкие деревья в Большом Лесу.

Белая девушка билась в его руках, как пойманная форель. Глаза ее широко распахнулись, она что-то кричала. Но за жутким ревом Ива ничего не услышала, только прочитала по губам: «Вепрь!»

А затем рев стих, обернулся своей противоположностью – столь же оглушительной тишиной. На Иву словно обрушилась снежная лавина, залепив и рот, и уши. И все же она осмелилась поднять голову и взглянуть на мусорный холм. На мусорного вепря.

Он был огромным. Действительно огромным, больше всех вепрей, что ей доводилось видеть. Больше тех грузовиков, что привозили сюда мусор, и больше Ушедших Зверей. Он мог бы пройти над Домом Матушки Ночи, и флюгер на крыше не задел бы его отвислого брюха.

Чудовище стояло на широко расставленных лапах, покачиваясь из стороны в сторону. Не Зверь, нечто совершенно иное в обличье вепря, с горбатой спиной, широким рылом и кривыми клыками. Все его тело оказалось слеплено из мусора и отбросов, ощетинившихся гвоздями досок, осколков фаянса, битого стекла, рваных покрышек и ржавой жести, из всего того, что валялось у них под ногами. Он был плоть от плоти этой мусорной Преисподней. Куэ ни словом не погрешила против истины, когда сказала про горящие глаза и железные зубы. В пустых провалившихся глазницах и в самом деле полыхало пламя, вырываясь наружу алыми сполохами. Ржавые стальные клыки некогда были деталями каких-то машин.

– Замри! – крикнул Охотник, но после жуткого рева его сильный голос был едва различим. – Замри и не двигайся!

Впрочем, Ива и сама понимала – от такого зверя не убежать. На десять ее шагов он сделает один, проглотит в один присест и даже не заметит. Столь же бессмысленно хвататься за оружие – у этой твари нет настоящей плоти, его даже поцарапать не получится. Ее кортик для него что травинка, ее стрелы отскочат от мусорной шкуры. И Ива замерла, не смея вдохнуть и беззвучно молясь о том, чтобы чудовище их не заметило.

Зверь повел головой в одну, затем в другую сторону. Рыло задрожало, словно бы он принюхивался, хотя Ива сомневалась, что он способен различать запахи. Чудовище копировало повадки и движения настоящего вепря, но для него они

были лишены смысла. Он встряхнулся, и во все стороны полетел гнилой мусор. Прямо под ноги Ивы упал синий полиэтиленовый пакет с завязками и лопнул, рассыпая овощные очистки и куриные кости.

Но самым удивительным оказалось то, что никто, кроме них, похоже, не видел чудовища. Работа в Преисподней шла своим чередом – никто не кричал, никто не пытался спастись бегством. Под отвислым брюхом зверя проехал грузовик. Его водитель не остановился и не прибавил скорости. Как будто для него не случилось ничего из ряда вон выходящего и подобное здесь в порядке вещей.

Грузовик развернулся на месте, круша тяжелыми шинами все, что попадало под колеса, и остановился в паре метров от вздымающейся колонной ноги чудовища. С грохотом поднялся кузов, и очередная партия мусора вывалилась на землю. Из кабины вышел человек в комбинезоне с лопатой в руках, постоял немного на краю мусорной кучи и вернулся в машину. Так же медленно грузовик проехал обратно. Если бы в этот момент монстр переступил с ноги на ногу, он бы раздавил машину в лепешку. Однако ничего подобного не случилось.

Раскачиваясь из стороны в сторону, как новорожденный олененок, зверь двинулся к Черному Замку и через какое-то время скрылся за мусорным отвалом. Только тогда Ива позволила себе выдохнуть. Ее трясло. За свою жизнь она повидала немало вещей, и страшных, и опасных, и отвратительных, но до сих пор ей не доводилось сталкиваться с чем-то настолько неправильным.

– Пойдем, – сквозь гул в ушах услышала она голос Охотника. – Стоит поторопиться, пока он не вернулся.

– Вернулся? – Ива вздрогнула.

– Он ищет добычу и не успокоится, пока ее не найдет, – объяснил Охотник. – Нам повезло, мы оказались слишком близко и попали в слепое пятно. Но он может нас почуять, и тогда…

Он не стал договаривать, да это было и не нужно. Куэ у него на руках сдавленно всхлипнула.

– Кто… – Ива сглотнула слюну. – Ты знаешь, кто это?

– Знаю, – мрачно сказал Охотник. – Урбунд.

О чем плачут деревья

– Так кто же он такой? – спросила Ива, когда они быстрым шагом пробирались к вратам Преисподней.

Пока вепря было не видно и не слышно, но Ива нутром чуяла, что он где-то рядом. Не за первой мусорной горой, так за второй – бродит среди отбросов и ищет, чем бы поживиться. Ива шагала быстро, не обращая внимания на усталость и на резь в боку. Будь она здесь одна, давно бы сорвалась на бег. Но Ива не могла оставить крестного и древесную деву. Они пришли сюда вместе, значит, вместе и уйдут.

Охотник тоже спешил, но из-за своей ноши не мог себе позволить идти быстро. Он нес Куэ так, будто та вообще ничего не весила, и не выглядел уставшим. Но Ива заметила, как дрожит от напряжения жилка у него на шее, как вздулись мышцы на плечах и предплечьях, слышала, как тяжело он дышит. Она забрала у него ружье, но ничем больше помочь не могла.

– Урбунд, – буркнул Охотник. Он не хотел об этом говорить, и, как подозревала Ива, причиной тому была вовсе не усталость.

– Это его имя? – не сдавалась Ива. – Ты встречался с ним раньше?

– Нет. – Охотник мотнул головой. – Но я о таких слышал. Урбунд – это не имя, и в этом его беда. Прости, вороненок, я не умею рассказывать сказки и сейчас не самое подходящее время.

Он ненадолго остановился перевести дыхание, но собрался с силами, расправил плечи и зашагал дальше. Вместо того чтобы пойти по разъезженной грунтовке, ведущей к воротам, они шли напрямик, по мусорным кучам, хотя этот путь был труднее. Впрочем, Ива давно усвоила, что легкая дорога – не всегда правильный выбор. Раз Охотник избегал торных путей, значит, на то есть причина.

– Люди в грузовиках его не видят, – поделилась она своим наблюдением. – Будто его и не существует. Как такое возможно?

Охотник коротко хмыкнул.

– Люди часто бывают слепы. Это удобно. Есть вещи, которые лучше не замечать, если хочешь крепко спать по ночам.

– Но… – Ива поморщилась. Как можно не видеть того, что происходит у тебя под носом?

– А есть вещи, – продолжил Охотник, – которые не укладываются у них в голове, и они их не видят, потому что такого не может быть. Иногда, чтобы что-то увидеть, нужно поверить в невозможное, а не всякому это дано.

Ива смерила его взглядом. Она не совсем поняла, что именно хотел сказать крестный, и решила зайти с другого края.

– Этот урбунд появился из-за этого мусора, да? Свинья, родившаяся из грязи?

Охотник глянул на нее так, будто эта мысль оказалась для него в новинку.

– Возможно. Выброшенное и забытое, мусор – лучшей плоти для него не найти. Но плоть – это не сердце.

– Сердце? Хочешь сказать, у этой твари есть еще и сердце?

– У всего есть сердце, вороненок, – вздохнул Охотник. – Сердце – это то, что делает нас теми, кто мы есть.

Он перехватил Куэ поудобнее, похоже, у него затекли руки. Но он и не думал останавливаться, наоборот – прибавил шаг, так что и Иве пришлось поторопиться. Она то и дело оглядывалась и из-за этого пару раз чуть не упала. Откуда-то пришла мысль, что чудовище уже знает о них, уже взяло их след. Так олень чувствует приближение волка задолго до того, как ветер принесет запах хищника, до того, как сломается ветка под мягкой лапой. И если она это почувствовала, то крестный и подавно.

– Сердце, – сказал Охотник, перебираясь через кучу раскисших листов картона, – это то, из чего мы растем. Чтобы выросло дерево, мало одной земли и воды, нужно еще и семя. Какое семя ты посадишь, такое дерево и вырастет.

– А из какого семени вырос урбунд?

Охотник ответил не сразу.

– Так иногда бывает, – сказал он, – что мать не хочет видеть свое дитя. На то есть множество причин, и не мне кого-то судить, просто… Так бывает. И когда такой ребенок является на свет, мать избавляется от него, даже не дав ему имени. Вот из такого брошенного и забытого семени и вырастает урбунд. Брошенный и забытый.

Под его ногой что-то оглушительно треснуло и заскрипело так, что у Ивы аж зубы свело. А причиной оказалась толстая рамка из белого пенистого материала. Ива понятия не имела, что это такое, и, честно говоря, не желала знать. Охотник резко остановился и замер, прислушиваясь. Ровно десять ударов сердца он стоял не шелохнувшись, но, похоже, обошлось. Ничего не изменилось, разве что вороны закричали немного громче.

– Семя… – неожиданно подала голос Куэ. – Он сожрал все семена, сожрал все орехи и желуди, где нам искать новых детей?

Ива вздрогнула – она думала, что древесная дева спит или без сознания. За все то время, что Охотник нес ее к воротам, Куэ не проронила ни звука, да и глаза ее были закрыты.

– Детей? – переспросила Ива, но древесная дева снова замолчала. Веки ее сомкнулись, а по белым щекам покатились крупные капли.

Ива озадаченно посмотрела на крестного, но тот повел плечами.

– Прости, вороненок, я не знаю всех тайн Большого Леса. Я не знаю даже самой малой их части. Но ты же слышишь это? То, как плачут деревья?

Ива прислушалась к своим ощущениям. Ушами она не услышала ничего, и все же сердце сжалось от тоски, которую невозможно передать словами. А хуже всего то, что она узнала это чувство. Именно эта тоска наполняла глаза диковинной рыбы из ее снов.

– Это не плач. Это зов, – сказала Ива. – Зов матери, которая потеряла своих детей.

Охотник кивнул. Ива встрепенулась, в голове будто сложились вместе детали хитроумной головоломки.

– Нужно идти, – торопливо проговорила она. – Быстрее… Не только мы слышим этот зов. Для чудовища, брошенного и забытого, он все равно как…

– Это урбунд, – сказал Охотник. – От него не убежать. Попытаться стоило, но все же… Он уже здесь.

– Здесь? – Ива огляделась. Но ведь здесь никого нет? Чудовище ушло в другую сторону и…

Но, разумеется, оно было здесь. Оно все время было здесь, рядом с ними, у них под ногами. Мусор задрожал, приходя в движение. Вздыбился так, будто под землей надувался огромный пузырь. И тут же мощный толчок подбросил ее в воздух. Ружье Охотника выбило из рук, а Ива рухнула на живот, лицом в склизкую кашу из гнилых овощей и рыбьих потрохов.

Урбунд поднимался медленно, и выглядело это так, будто он по кусочкам собирал свою плоть из всего, что валялось вокруг. Поначалу он походил на бесформенный ком мусора, но вот появились лапы с раздвоенными копытами, и зверь выпрямился, раскачиваясь. Вытянулась морда и расплылась в широкое плоское рыло, в провалах глазниц вспыхнуло пламя, распахнулась пасть с кривыми клыками…

Урбунд взревел, но на этот раз Ива не услышала его голос, только почувствовала, как задрожал воздух. Она не слышала ничего, кроме гула и звона в ушах. Не осознавая, что она делает, Ива принялась разгребать отбросы, пытаясь зарыться в них, спрятаться хоть где-нибудь, понимая при этом, что никакое укрытие ее не спасет.

Мусорный вепрь переступил с ноги на ногу, и в паре шагов от Ивы грохнулась наземь стеклянная банка. Во все стороны полетели осколки и брызнула какая-то темная жижа. Иве больно обожгло щеку, но ей повезло – могла бы и лишиться глаза. Темная жижа потекла по лицу, по щекам и губам, и оказалось, что это всего-навсего черничное варенье, вроде того, что готовила Доброзлая Повариха. И знакомый вкус, как ни странно, привел ее в чувство. Оттолкнувшись от земли, Ива вскочила на ноги и развернулась к Охотнику.

Тот стоял на месте и даже не пытался бежать. Как если бы окончательно смирился с уготованной ему участью. А над его головой покачивалась морда урбунда. Пасть широко распахнулась. Вблизи зверь казался даже больше, чем когда они его видели на склоне холма. Он заслонил небо, и в мире не осталось ничего, кроме брошенного и забытого чудовища. Жуткая морда медленно начала опускаться.

Времени на раздумья попросту не было. Ива рванулась к крестному, налетела на него и со всей силы толкнула в сторону. Охотник этого не ожидал и упал. Покатился по мусору, подмяв под себя Куэ, но Ива на него уже не смотрела. Задрав голову, она развернулась навстречу урбунду.

Ветер дыхания едва не сбил ее с ног, от жуткой вони все поплыло перед глазами. Она закричала, а чудовище рванулось вперед и проглотило ее в один присест.

Внутри вепря

Ива падала. Катилась вниз по темному туннелю, больно ударяясь о твердые стенки и безуспешно пытаясь хоть за что-то ухватиться. Она не понимала, где она и что происходит, она не помнила, как здесь оказалась. Время исчезло. Осталось лишь движение вниз и вниз, из тьмы во тьму.

А потом падение прекратилось. Ива рухнула на что-то мягкое и влажное, где и осталась лежать, не находя сил даже пошевелить мизинцем. В голове пульсировала чернота, вытеснившая все мысли. Это был не страх, а нечто за пределами страха. Обреченность. Чернота расползалась по телу, лишая ее силы.

Все, чего ей хотелось, – свернуться клубком и… И что? Какой в этом смысл, если все кончилось?

Она умерла. Ее сожрали. Чудовищный вепрь проглотил ее целиком и не подавился. Осталось дождаться, когда за ней явится бабуля, ну или как там все устроено на самом деле.

– Еще чего. – Старуха в глубоких подземельях под Домом Матушки Ночи громко фыркнула. – По-твоему, у меня других дел, что ли, нет? Рано еще для нашей встречи, внученька…

Ива беззвучно всхлипнула от обиды. Это было нечестно. Раз уж она умерла, то бабушка могла бы и навестить ее по такому поводу, а не отмахиваться, будто ничего не случилось.

– Когда ты соизволишь умереть, – сказала бабушка, – обещаю, я приду к тебе первой. А прежде того и не надейся, а то ишь какой пуп земли выискался. От матери, поди, нахваталась.

Ива стиснула зубы. Ну и ладно, не очень-то и хотелось… Сама она пуп земли, если уж на то пошло.

Обида на бабушку немного привела ее в чувство. Мертвые не обижаются, а раз так, значит, еще не все кончено? Впрочем, прошла, наверное, целая вечность и пара минут в придачу, прежде чем Ива осмелилась поднять голову. Загадочное «мягкое и влажное», на котором скрючилась Ива, обернулось кучей ветоши и старых тряпок. Достаточно большой, чтобы смягчить любое падение.

Кое-как Ива села и огляделась, хотя ее и мутило и кружилась голова. Она оказалась в пещере – это слово первым пришло на ум, и на нем Ива и решила остановиться. Перед ней простиралась огромная и пустая зала, больше любой из комнат в Доме Матушки. С высоким потолком, до которого Ива не смогла бы дотянуться, даже если бы встала на плечи крестному. И все здесь – стены, пол и потолок – было слеплено из мусора. Ну конечно же, ее ведь проглотил урбунд, так что глупо ожидать чего-то иного. Она внутри чудовища… Вот же угораздило!

Ива подумала об Охотнике и о Куэ – с ними-то что случилось? Рядом их не было, но значит ли это, что им удалось спастись, она не знала. Задрав голову, она поискала место, откуда она упала на тряпки, но ничего такого не увидела. Ее окружал мусорный мешок, без входа и выхода, выбраться отсюда будет непросто. Хотя, с другой стороны, у нее есть нож, а мусорные стенки не выглядели такими уж плотными. Худшее, что могло с ней случиться, уже случилось. Пришел ее черед делать ход.

Ива немного взбодрилась, но с места не сдвинулась. Раз уж некуда спешить, то стоит хорошенько все обдумать. Найти самое уязвимое место чудовища и нанести удар.

Изнутри мусорная плоть вепря вовсе не выглядела цельной. Сквозь дыры, а их хватало, косыми лучами пробивался тусклый солнечный свет. Здесь он был неприятного желтоватого оттенка и казался таким плотным, что можно потрогать руками. В световых столбах бестолково роились тучи крошечных мух и мошек.

Очень осторожно, расставив руки для равновесия, Ива поднялась на ноги. Она хотела отсюда выбраться, однако же помнила, на какой высоте находилось брюхо урбунда. Такое падение вполне могло обернуться сломанной шеей.

Мусорный пол колыхался так, словно под ним плескалась вода, но смог ее удержать. Ива сделала пару осторожных шагов – все равно что идти по зыбким болотным кочкам. Сложно, но можно приноровиться. Она сделала еще один шаг, поскользнулась на яблочной кожуре и во весь рост растянулась на подвижном полу мусорной пещеры. Сердце замерло. Мелькнула мысль, что сейчас под ней разверзнется бездна или же ее поглотит неведомая трясина, но все обошлось. Пол прогнулся и тут же упруго распрямился, чуть ли не подбросив ее вверх.

Отдышавшись, Ива снова поднялась на ноги. Теперь бы еще понять, куда идти. Сколько бы она ни оглядывалась, особой разницы не видела – мусорный мешок, он и есть мусорный мешок. Ну, доберется она до стены, а потом? Так и будет ходить кругами? Она могла вскарабкаться по стене до самого потолка, но какой в этом смысл? Сверху, и снизу, и со всех сторон – все едино. Мусор, отбросы, и ничего кроме.

Ива провела ладонью по лицу, размазывая грязь. Должен существовать еще какой-то выход, просто не столь очевидный. Нужно собраться, успокоиться, и тогда она найдет решение. Но вместо мыслей в голове была растекающаяся каша. Сосредоточиться никак не получалось, и от этого Ива только сильнее заводилась. Паника подступала откуда-то снизу, вместе с тошнотой, сдавившей горло, и не поддаваться ей стоило огромных трудов.

Может, развести костер и посмотреть, что из этого получится? В карманах лежали и огниво, и трут, а уж топлива под ногами валялось предостаточно… Но это была крайне сомнительная затея. Все равно что забраться на кучу сухого хвороста, облить себя керосином и поджечь. В ее планы не входило сгореть заживо или же задохнуться от ядовитого дыма. Даже если таким образом она сможет убить урбунда, в чем Ива сомневалась, цена слишком высока. К тому же он и так уже горит – она вспомнила алое пламя, полыхающее в его глазницах, значит, огонь не причинит ему вреда. Не выдержав, она закричала:

– Эй! Эй! Здесь кто-нибудь есть?

Не то чтобы она рассчитывала на ответ, но ей важно было услышать собственный голос. Пусть даже тихий, испуганный, но живой.

– Эй?

Ива замерла, прислушиваясь. Показалось или нет? Наверняка сказать нельзя, но, кажется, в глубине пещеры что-то закопошилось. Или кто-то… Может, просто мусор сдвинулся с места, а может, кто-то и в самом деле там прятался. Затаился, выжидая подходящего момента, чтобы напасть… Кто знает, какие чудовища живут внутри чудовища? От одной мысли об этом у Ивы засосало под ложечкой.

Она сжала рукоять кортика, подаренного ей лейтенантом Юстасом, и медленно вытянула клинок из ножен. Сталь тускло блеснула в странном желтоватом свете. Не то чтобы это придало ей уверенности, но Ива решила, что, если ей суждено здесь погибнуть, она погибнет с оружием в руках. Она ощерилась, как куница на лису, и взмахнула клинком, рассекая воздух. Пусть знают, что у нее есть острые зубы.

– Эй! Выходи, я тебя вижу! – Ива шагнула в сторону, где ей почудилось движение. – Можешь не прятаться, я знаю, что ты здесь!

Еще один шаг. Подумала: а что, если ей и в самом деле померещилось? Что, кроме нее, здесь никого нет и ее представление останется без зрителей? Но в тот же миг из теней показались бледные фигуры и двинулись ей навстречу.

Потерянные дети

Ива замерла, выставив перед собой кортик. Она была уверена, что в мусоре прячется кто-то один, однако же их оказалось семеро. И это были вовсе не жуткие чудища и не монстры, а всего-навсего дети. Растерянные и напуганные, с опухшими от слез глазами. Просто дети.

Тем не менее оружия Ива не опустила. Слишком уж избитый трюк – притвориться кем-то, кто выглядит слабым и беззащитным. А кто выглядит беззащитнее ребенка? Но внешность обманчива. Китайские Младенцы, которые жили на Чердаке в Доме у Матушки, тоже выглядели детьми, они даже ходить не могли, а только ползали. Но Ива не раз видела, как за общим ужином Китайские Младенцы набрасывались на еду и за считаные секунды сгрызали все без остатка, даже кости. Так что детской внешностью ее не обмануть.

– Стойте! – крикнула Ива, взмахивая кортиком. – Ни шагу больше!

И бледные дети тут же остановились, таращась на Иву темными глазами. Ива едва заметно расслабилась. Будь они хищниками, они бы не стали ее слушать. Будь они хищниками, они бы попытались взять ее в кольцо, кружили бы вокруг нее, выжидая подходящий момент, чтобы напасть. Но ничего подобного. Они сбились в кучу и испуганно жались друг к дружке.

На вид всем им было лет по пять, не больше, если судить по росту и сложению, однако лица при этом выглядели не по-детски серьезными и строгими. Одежды они не носили, так что Ива сразу поняла, что эти дети не люди, а принадлежат скорее к роду Куэ. Во всяком случае, Ива не увидела ни пупков, ни сосков.

– Кто вы? – спросила Ива, опуская кортик. Разве можно бояться того, кто при виде тебя сам дрожит от страха?

Дети переглянулись. Простой вопрос, но, похоже, он поставил их в тупик, Они не ответили, а только плотнее сбились, цепляясь друг за друга тонкими ручонками. И на Иву вдруг нахлынуло странное и незнакомое ей чувство: захотелось обнять их всех разом, прижать к груди, защитить, спрятать. И не важно, от какой угрозы. Она смутилась и растерялась.

– Кто вы? – спросила она громче. – Что вы здесь делаете?

Она уже знала ответ на свой вопрос или, по крайней мере, догадывалась, но ей важно было его услышать. Дети задрожали, как задрожала бы березовая рощица под порывом сильного ветра.

– Ты наша мать? – спросили они хором, и прозвучало это жутковато.

– Что? Нет! – Ива отступила на полшага. – Ваша мать? Нет, конечно… С чего вы взяли?

Она никак не могла понять, живы ли эти дети или только притворяются живыми. Может, они призраки или неупокоенные мертвецы? Куэ сказала, что мусорный вепрь сожрал детей ее племени, и Ива поняла это так, будто все они погибли. Но ведь урбунд проглотил и ее саму, и она до сих пор жива, так может, и дети деревьев смогли уцелеть?

– Он обещал нам найти мать, – сказали дети. – Мать, которая будет заботиться о нас и рассказывать нам сказки… Это ты? Ты знаешь сказки?

Ива сглотнула. Уж чего, а сказок она знала предостаточно, но она и подумать не могла, что когда-нибудь придется рассказывать их внутри гигантской свиньи из мусора. Да и рассказчица она так себе, не то что Матушка. Но оттого, как на нее смотрели эти бледные дети, у Ивы сжалось сердце. Да кто она такая, чтобы отказывать им в сказке?

– Кто обещал вам это? Кто обещал найти вам мать?

Дети задвигались, затоптались на месте, и на секунду Иве показалось, что сейчас они бросятся врассыпную. От страха, но куда больше – от смущения. Если они и были чудовищами, то чудовищами очень стеснительными.

– Не бойтесь, – ласково сказала Ива. Она опустилась на корточки, чтобы стать с ними приблизительно одного роста. – Не бойтесь, я вас не обижу. Кто обещал вам найти маму?

Дети переглянулись. Кто-то из них кивнул, но Ива не могла сказать, кто именно – для нее все они выглядели на одно лицо, похожие друг на друга больше, чем бывают похожими близнецы.

– Первый, – наконец сказали они. – Тот, кто позвал нас за собой и привел сюда.

– Первый? Он здесь? Среди вас?

Но дети замотали головами.

– Нет. Он прячется. Он боится.

– Что? Боится? Меня? – Мысль показалась ей глупой. Но дети смотрели на нее так, что с первого взгляда становилось понятно – они и не думали шутить. Если бы она засмеялась, то мгновенно бы растеряла те крупицы доверия, что ей удалось завоевать. А она должна увидеть загадочного первого. Раз он смог привести сюда этих детей, то, возможно, он сможет и вывести их отсюда?

– Ладно, – вздохнула Ива. – Я поняла – он боится и не хочет выходить. Но вы можете проводить меня к нему?

Дети замерли. Очевидно, над такой постановкой вопроса они не думали и теперь не понимали, как поступить.

– А ты будешь петь нам колыбельные? – наконец спросили они, чем окончательно смутили Иву. Одно дело – рассказывать сказки, а вот с пением у нее точно никогда не ладилось. Что поделаешь – дитя воронов, а у воронов не самые мелодичные песни. Однажды Ива спела одну из песенок собственного сочинения Розе, так Повариха чуть не переменилась, и кто знает, как ее пение

подействует на странных детей. С другой стороны, не хотелось пугать их отказом.

– Ну, мы же пока не собираемся спать? – сказала она мягко. Дети переглянулись, такой ответ их устроил. – Тогда ведите меня к вашему первому…

Не успела она договорить, как дети разом сорвались с места, устремившись к дальнему краю пещеры. Они передвигались с поразительной быстротой и легкостью. Не столько бежали, сколько порхали, перескакивая с одной кучи мусора на другую, и Ива едва за ними поспевала, поскальзываясь через шаг. Она привыкла думать о себе как о ловкой и быстрой, но на фоне этих детей чувствовала себя неуклюжей, как лосиха на льду.

– Он здесь, здесь… – слышала Ива их голоса. – Выходи, не прячься… Она пришла, как ты и обещал, наша мама…

«Я не ваша мама!» – хотела сказать Ива, но сдержалась. Не хватало еще вспугнуть таинственного первого, кем бы он ни оказался – на этот счет у нее уже были определенные подозрения. И то, о чем она подумала, ее не обрадовало.

Наконец дети остановились перед чем-то вроде мусорного холмика высотой им по пояс. Сама по себе Ива в жизни бы не обратила на него внимания – куча мусора среди других мусорных куч. Порванные пакеты и разноцветные картонки, яблочные огрызки и битое стекло, драный зонтик с выкрученными спицами и смятая жестяная банка – самым примечательным оказалась только фигурка бородатого человека в треугольной шляпе, но при этом с оторванными руками.

– Здесь… – сказали бледные дети. – Здесь он прячется…

Они встали у мусорной кучи полукругом, смотря на Иву так, будто ждали, когда же она их похвалит. Ива заставила себя улыбнуться, но и этого оказалось достаточно: дети чуть ли не пустились в пляс.

– Выходи… – зашелестели они. – Мы привели маму, она совсем не страшная… Она будет петь нам колыбельные… Она…

Холмик всколыхнулся, немного приподнялся и опал, снова приподнялся… Но не так, как если бы кто-то попытался выбраться наружу. Куда больше это походило на то, как если бы под мусорной плотью забилось огромное сердце.

В тот же миг пол под ногами тряхнуло, и Ива и дети попадали наземь.

– Первый! Первый! – заверещали бледные дети.

Но Ива молчала. Поджав губы, она смотрела, как бьется мусорное сердце и как сгущается желтоватый свет, обращаясь в некое подобие человеческой фигуры. И только когда она окончательно сформировалась, Ива прошептала одно-единственное слово:

– Урбунд.

Сердце зверя

Он был маленький, совсем маленький, даже меньше бледных детей. Но Ива не могла сказать, сколько же ему лет. В его случае само понятие «возраст» казалось неуместным.

Когда Охотник рассказал ей про урбунда, Ива особо не задумывалась, как тот может выглядеть. Образ чудовищного вепря затмил все остальное. Из-за этого она и пропустила самое главное: то, что урбунд, – это всего лишь ребенок. Брошенный и забытый ребенок… Но он не был призраком, это Ива поняла сразу. У всех привидений есть личность или некое ее подобие. Урбунд же представлял собой скорее идею, самую суть брошенного и забытого ребенка, который никогда не жил, которому не досталось даже имени.

Его лицо было полностью лишено индивидуальных черт. Ива не могла сказать, ни какого он пола, ни какого цвета у него кожа и волосы. Как будто это и не лицо вовсе, а набросок-заготовка. Ему бы дать хотя бы капельку индивидуальности, и он бы стал кем-то, но этого его лишили.

Маленькая фигурка зависла в воздухе в полуметре над мусорной кучей. А та продолжала ритмично пульсировать, биться, как и полагается сердцу. Но сердце бьется не просто так – оно гонит кровь, оно дает жизнь… Здесь же, похоже, не было ничего, кроме бессмысленных толчков.

Впрочем, присмотревшись, Ива заметила, что урбунда связывают с мусорной кучей тонкие нити золотистого света. Не пуповина, скорее они походили на спутанное вязание Матушки или на паутину. И на каждый удар «сердца» эти нити дрожали, а вместе с ними вздрагивал и урбунд.

Ну конечно же! Как она сразу не догадалась?! Урбунд взял себе все, что мог взять, но у него ничего не было, кроме ударов материнского сердца… И, может быть, ее голоса, который пел ему колыбельные и рассказывал сказки, пока он находился в утробе. А потом его выбросили, от него отказались. Лишили не просто жизни, а всего того, что составляло его жизнь. Но сам он от этого не отказался и продолжил искать…

Ива опустилась на пол, села скрестив ноги и зажала уши ладонями. Голова раскалывалась, сердце билось в унисон с сердцем зверя. Она хотела помочь этому существу, и ему, и бледным детям, но не понимала, что ей делать. Она же не могла остаться с ними, петь им колыбельные и рассказывать сказки – этому ведь не будет конца. Как долго она протянет без еды и без воды, среди тошнотворных миазмов? А главное, что будет потом, когда ее не станет? Мусорный вепрь переварит ее и отправится на поиски новой матери?

Нет! Это неправильно. Должен существовать иной выход. Этот урбунд – он понимает, чего он хочет, но не знает, что ему нужно на самом деле. А настоящая мать дала бы ему именно то, что нужно. Не просто сказки с колыбельными, а нечто совершенно иное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kolodan_dmitriy/mertvyy-les

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити